

СТАНЬ ЧЕЛОВЕКОМ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МЫСЛЬ РЯЗАНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Еремин

Интеллектуальная мысль Рязани

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Еремин О. В.

Интеллектуальная мысль Рязани / О. В. Еремин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5320-9897-8

Книга содержит выдержки из научных трудов, статей, мемуаров, писем, романов, повестей, рассказов, стихотворений и других произведений известных всей стране рязанцев и наших современников. Приведенные в сборнике высказывания позволяют по-новому осмыслить происходящие в России и в мире процессы и подсказать пути решения имеющихся проблем. Сборник рассчитан на широкий круг читателей. Книга печатается по изданию 2011 года (Интеллектуальная мысль Рязани / автор-составитель Еремин О.В. – Ряз.: Издатель Еремин О.В., 2011 – 208 с. ISBN 978-5-9901662-2-6) с изменениями и дополнениями. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9897-8

© Еремин О. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Религиозные мыслители	7
Глава 2. Знатные рязанцы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство – силою его патриотизма.

Н. Г. Чернышевский

Предисловие

На фестивале «Рязанская книга», прошедшем в апреле 2010 года в Рязанской областной универсальной научной библиотеке имени Горького, мне довелось познакомиться с автором сборников стихов, доктором философских наук, профессором Петром Владимировичем Корнеевым. Стихотворения автора, написанные в жанре философской поэзии, отличались глубиной и новизной мысли и задавали импульс к размышлениям. Они и послужили отправной точкой в составлении настоящего сборника.

После выхода книги в свет на бумажном носителе, мне задавали вопросы: «Почему серия так названа?» и «Почему книге не присвоен порядковый номер?».

Я назвал серию своим девизом: «Стань Человеком!». Это обращение, призыв и к себе, и к другим. В этом заключается смысл земной жизни, прокладывающий дорогу в бессмертие.

Открыв серию сборником «Интеллектуальная мысль Рязани», я не сделал её, таким образом, главной. Все книги, которые будут включены в эту серию, будут главными, поэтому не вижу смысла присваивать им порядковые номера. Я не претендую на роль полномасштабного издателя книг этой серии. Полагаю, что в этом нет необходимости, так как каждый читающий человек создаст свою собственную серию, формируя из приобретаемых в магазинах книг домашнюю библиотеку.

Не поленились, познакомьтесь с высказываниями известных рязанцев и наших современников – станьте мудрее.

О. В. Еремин

Глава 1. Религиозные мыслители

Святитель Феофан Вышенский

(В миру Говоров Георгий Васильевич) (1815–1894), русский, уроженец Орловской губернии. Окончил Ливенское духовное училище, Орловскую семинарию, Киевскую духовную академию. 15 февраля 1841 года принял постриг с именем Феофан. 27 августа 1841 года иеромонах Феофан был назначен ректором Киево-Софийского духовного училища, 7 декабря 1842 года – инспектором Новгородской семинарии, 13 декабря 1844 года переведен в Петербургскую духовную академию на должность бакалавра по кафедре Нравственного и Пастырского богословия, 25 мая 1846 года удостоен звания соборного иеромонаха Александро-Невской Лавры, 21 августа 1847 года назначен членом Духовной Миссии в Иерусалиме. 4 апреля 1855 года иеромонах Феофан был возведен в сан архимандрита и 12 апреля назначен в Петербургскую духовную академию бакалавром по кафедре Канонического права, а через полгода – на должность ректора Олонецкой духовной семинарии. В 1856 году архимандрит Феофан был назначен на должность настоятеля Посольской церкви в Константинополе. 13 июня 1857 года указом Святейшего Синода архимандрит Феофан назначается на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии. 29 мая 1859 года состоялось наречение его во епископа Тамбовского и Шацкого. 22 июля 1863 года он был перемещен на древнюю, более обширную Владимирскую кафедру. 17 июля 1866 года по собственному ходатайству назначен настоятелем Вышинской пустыни (Шацкий район Рязанской области), где провел свою жизнь как ученый инок, после пасхальных дней 1872 года начал вести затворническую жизнь. Награжден орденом святого князя Владимира III степени, орденом святой Анны II степени и орденом Святой Анны I степени. Все Духовные академии Русской Православной Церкви избрали Святителя Феофана своим почетным членом, а Санкт-Петербургская – присвоила ему в 1890 году звание доктора богословия за многополезные богословские сочинения. 6 января 1894 года епископ Феофан мирно скончался в день престольного праздника своего келейного храма Крещения Господня. Тело почившего архипастыря было погребено в Казанском соборе Вышинской пустыни в правом Владимирском пределе. На Поместном Соборе Русской Православной Церкви 6–8 июня 1988 года, в год 1000-летия Крещения Руси, святитель Феофан Вышенский (Затворник) причислен к лику святых как подвижник веры и благочестия, оказавший глубокое влияние на духовное возрождение современного ему общества, честные останки его были признаны святыми мощами. В Рязанской губернии жил с 1866 года.

Вы меня называете счастливым. Я и чувствую себя таковым, и Выши своей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и на Патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили бы на него... Вышу можно променять только на Царство Небесное.

Умершие продолжают и на земле жить в памяти живущих через добрые дела свои.

Как новый год есть начало дней лета, то в день этот надлежит набрать в душу такие помышления, чувства и расположения, которые могли бы, достойно христианина, заправлять всем ходом дел его в продолжение года.

Сначала Бог сотворил свет, а после собрал его в светила. Есть добро, но рассеяно или разлито. Надобно свести все воедино. И, – кажется, – душа просится на это... да не догадается. А главное – саможаление есть. Без труда и самопринуждения ни в чем не успеем. Хоть чуточку, да надобно понудить себя, хоть на волосок. Когда есть усердие и ревность, то все пойдет хорошо.

Есть слезы от слабости сердца, от большой мягкости характера, от болезни, и насильно раздражают себя иные на плач, есть слезы и от благодати. Цена слез не водою, текущею из глаз, определяется, а тем, что бывает на душе при них и после них.

Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, куда как хорошо.

Голод и беду Господь посылает молящемуся и просящему. Это признак здоровья.

Лучше ничего не загадывать – ни в монастырь, ни за монастырь; ибо не в том сила. Внутренность свою надобно уязвлять и тревожить, чтоб не уснуть.

Главное – доброе начало. Когда положено начало, все само собой пойдет хорошо. А как положить начало, это изъяснить трудно. Молиться надо, и Господь подаст все, ибо Он благоподателен. Искреннее только и решительное желание надобно иметь и не смешивать дел; а уж одно, так одно.

Не память только грехов я разумел, а вообще чувство, что деваться некуда, кроме Господа.

Не дело только есть грех; но и мысли, чувства и желания бывают грешные. Последние не видны; ибо нет ока, смотрящего в сердце: вот и праведность. Оку тому нельзя смотреть, когда его засыпают суетою, как пылью. Ходить пред Господом значит не отрывать от Него своего внимания, – это цель. А немного подумать о Нем и бросить, это не то.

Когда придет, то Господь станет судить мысли и помышления. Вот и откроются грехи, и тут столько их будет, что беда!

Молитва, болезненное к Богу припадание в сокрушении и смирении. Она может быть, говорят, и без поклонов. Например, по нужде, в присутствии других, на пути; большею же частью она неразлучна с поклонами. Поклоны – след внутренней молитвы.

Чтение и размышление идут вместе; могут подготовить к молитве и оставаться праздными. Но сами они не молитва и заменить ее не могут. Чтению предел тот, чтобы дойти до предмета, который бы оковал внимание и остановил на себе одном. То же размышлению. Читать понемногу... Чтение с теплотою еще не то... Там, в молитвенном состоянии, прекращается чтение, и ум станет и не колыхнется, и хорошо ему бывает. Понудьте себя читать молитвы, кои показал священник. Они – дверь. Как войдешь внутрь, не отворивши двери? Одолейте скуку. Их немного. Помышляйте, что, читая их, вы Господу говорите слово, которое Он слышит. Можно заучить сии молитвы и читать на память, внятно сердцу и Господу. Только надобно одолеть себя. Господь вам помощник!

Один Господь есть победитель всех наших немощей, а восприять Его силу можно только молитвою. Она есть источник всего и всякого преуспеяния. Совесть чистая пред Господом и людьми есть условие к тому. И внешний порядок жизни надобно приспособить, чтоб не было развлечений. В церковь Божию ходить; читать писания отцов о внимании и трезвении; бегать покоя телесного; утрудить немного плоть, но Господа ради.

Чтоб заманить и продержать нас на молитве, попечительная о нас мать наша Церковь и установила нам прочитывать со вниманием и сокрушением разные молитвы. Но у ней же для преуспевающих в духовной жизни есть правило, что коль скоро в молитве сердце согреется и не захочет слов, прекращать чтение и молиться сердцем. Это и есть зачало молитвы.

Есть много дорог, и все в одно место. Чем ближе к сему месту, тем они ближе и к себе взаимно; а вначале как они разны, до противоположности, как из Твери и Рязани в Москву. Потому-то и трудно угадать, что кому и как надо. Потому-то и есть закон неизбежный для идущих к Господу, закон Богопреданности.

Трудно нам сознать умом, а тем паче ощутить сердцем, что такое мы одни. Целую жизнь сему учиться следует, и это – главная наука. Успех в ней идет об руку со смирением и самоуничижением. Без сего не поймем даже, как натурально смирение самое глубокое у святых. И страх-то Божий настоящий тем же путем приходит. Страх Божий никогда не должен отходить от сердца. Любовь изгоняет один вид его, а другой рождает. И небесные силы предстоят Богу со страхом и трепетом. В нем нет мучения и боязни, а есть прохлаждение сладкое, но все же это страх, иногда кости сокрушающий. Так надо! И молиться следует: страх Твой всади в сердце мое.

Молитва точно есть главное дело. Она и есть путь наш к Богу; все прочее попутные к тому средства.

Небольшое приготовление нужно чинить пред молитвованием. Не вдруг к Господу приступайте; надобно принарядиться духовно. Как делают, когда идут к царю; хоть немного подумайте пред тем и о себе, и о Боге. Кто мы и кто Тот, с Коем хотим беседовать? Что нам нужно и по какому праву смеем просить себе нужного? И подобное сему. Главное же, наперед поставить себя самоуничиженно в присутствии Божие и говорить как бы в уши Его, просто, по-детски. Как хорошо творить поклоны, как хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов и держа все их в некоем напряжении.

Ум наш по природе жив. Суета отяжеляет его. Когда мало-помалу спадет с него это ярмо, он начинает парить всюду, обходит и небо и землю, все видит, все понимает, и легко ему. Ничего тут нет худого; но и проку мало. Эту птичку-ум надобно засадить в клетку и сказать ему: вот тут-то сядь и пой вот что, а летать туда-сюда не смей: ястреб поймает.

Веруйте и глубоко в сердце содержите, что ничто без Бога не бывает, до самой малости. Все у Него рассчитано. Наш долг все обращать во спасение души и из всего извлекать себе пользу душевную. В этом вся наша мудрость.

Человек создан для общения с Богом. В этом цель его главная. Потому, когда отпал человек от Бога, Единородный Сын Божий благоволил низойти на землю, чтоб опять воссоединить его с Богом. Так значительно и необходимо сие общение с Богом! Беда обществу, в коем общственность поставляется целию. Тогда передвигается центр, и начинается смятение и неурядица.

Есть много признаков духовных вещей, кои кажутся, но не суть духовны.

После шума и развлечений душа, не совсем испорченная, тоскует. Сердце, томимое от удушливости в чуждой атмосфере, собирается в себя и жалуется Богу и самому человеку, что его терзают ни за что. Так, эта молитва – вопль больного о врачевании. Господь посылает сии минуты умиления после развлечений и даже во время их, чтоб напомнить человеку, что он неправо действует, убивая понапрасну в суете время и губя душу.

А еще – это что за философия: однообразие рождает равнодушие и холодность? В вещах товарных однообразие точно наскучивает, потому что они конечны. В отношении к Богу совсем не то. Он есть благо бесконечное, достаточное для всех и на все века.

Теплота духа – от веяния благодати. Но близ нее сидит наше самолюбие. От долготы блаженного сего состояния человек или трубить пред собою начнет, или присвоит себе сие благо, или понадеется слишком: «Ну-де уж мы теперь, чай, установились». Когда произойдет сие внутри, Господь берет благодать Свою и оставляет человека одного. А у человека что есть? Вот и безвкусице ко всему духовному чувствуется, и тягота, и равнодушие... точь-в-точь, как в отворенное окошко ушла вся теплота. Надобно топить; но дрова не в шуме мирском продаются, а хранятся в магазине Господнем. Отопри магазин, да и возьми... Всякому невозбранно доступ есть. Ключ – плач, покаяние, сокрушение, или просто терпеливый вопль к Господу, хоть без всякого вкуса, с самопринуждением... Тогда Господь опять воротит теплоту... И это называется отступлением благодати поучительным.

Немного осталось. Час настанет, станем пред Господом и что скажем? Что умеем танцевать, говорить по-французски, хорошо ценим театральные пьесы? – Ой, беда! Ой, горе! Тогда будем метаться туда и сюда, да уж поздно... Дай, Господи, минуточку, дай минуточку... покаемся... и не дастся... оттого, что молитву возбуждали балами да театрами...

Да что такое разумеют под монашеством? Ряска, клобук, четки и прочая внешность, точно, не Спасителем учреждены... А сила и дух монашества указаны Им Самим – в Его собственном лице, в лице Божией Матери, Предтечи Господня и всех, можно сказать, Апостолов. Монашество есть, с отрешением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только есть Бог, да он, исчезающий в Боге.

Есть, например, посвящающие себя науке, искусству... отчего? Такой талант. Почему же не благоволить к тем, кои посвящают себя Богу? Ибо и это дар Божий, – настроение духа таково...

Начало всему покаяние: оно ведет к очистительным трудам подвижничества. По мере очищения, сердце зреет любовью к Богу. Совсем чистое сердце совершенно любит Бога.

Пропишу вам кратко существо нашей веры: «Бог, в Троице поклоняемый Отец, Сын и Святой Дух, все сотворивший и о всем промышляющий, спасает нас, падших и погибающих, и именно мы спасаемся по благоволению Отца в Господе нашем Иисусе Христе благодатию Пресвятого Духа, во Святой Церкви, чрез Святые Таинства, здесь предначинательно и приуготовительно, а в будущем веке окончательно». Это семя, ядро богословия и всякой здоровой философии. По сей идее движется вся цепь событий. Господь ведет... Законодатели, воспитатели, если хотят попасть на правый путь, который есть один путь промысления Божия, или направление воли Божией, – с сим должны сообразоваться... Иначе будут толочься, суетиться, а толку все не будет никакого.

Только не гадайте о себе, а отдайте себя Господу. Степени наши Он пусть разбирает и цену ощущений наших определяет.

У нас ведь смесь добра со злом, и против всякого добра есть свое зло... Надобно задумать последнее – и воскресить первое. Как же это без труда-то сделать, когда с боку на бок перевернуться и то надобно напряжение?

Лучше держаться одних речей, а то как раз запутаться можно. Ниточку потеряете... Общие беседы вести можно со всяким, – а что до дела, то уж одного слушать. А вообще о духовных вещах со всяким можно беседовать... Это хорошо – душу шевелит... и воздух ее очищает.

Крепитесь! Поскорбеть не мешает, а скорбеть до изнеможения не следует. Не поможет сия скорбь; а тихое молитвенное упование – милость Божию привлекает.

Помысел, схваченный при входе, как разбойник, и прогнанный, еще не беда. Но когда от него отражение падет на сердце и оно усладится им, тогда крепко надо бить сие сердце – за измену.

Сколько тайн в жизни! И как сокровен путь спасения! И как нужно внимать себе, жать сердце и выжимать всякую оттуда дрянь!

Хорошо умереть в состоянии искания, если не благословит Господь, – в состоянии совершенства. И на том свете будет восход от низшего к высшему.

Но вот мы и забыли про тот свет, – выбили его из головы хлопоты. Покаемся, утрясем усыпление развлечений, войдем в покой трезвенности и все пойдет. Лучше бы, конечно, тянуть нить непрерывную; но что делать, когда рвется. Опять скрутим, и потянем ту же нить... Ведь жизнь-то наша вся есть прядение одного початка... Все мотается, мотается и составляется большой клубок. На том свете весь разматают... Начнут строго рассматривать достоинство нити, – по аршинам, четвертям, вершкам. А кто пряд, будет стоять и со страхом ожидать, что скажут наконец – хорошо или худо.

Господь да укрепит вас в усердии – молиться и молиться. Молитесь не потому, что приятно, а потому, что должно.

У вас, кажется, есть небольшая ревность угождать Богу. Отчего не хочется стать на молитву? Себя жаль. Отчего не хочется отказать себе в той или другой пище? Себя жаль... И много-много подобного. Тело начинает кричать, как будто его ведут на виселицу. Вот кто одолеет его, тот живот полагает... и это можно каждую минуту, отказывая себе, без жалости к себе.

Конечно, надо всячески хлопотать, чтоб минута смерти была минутой блаженства; но бывает ли и будет ли она для всех такою, этого угадать нельзя. Потому со страхом и трепетом ожидать ее надобно.

Слава Богу, что у вас есть любовь к Господу и желание угодить Ему. Лучшая Ему поддержка труд добродетели в связи с трудом молитвенным. Тут весь путь спасения. Кажется, немногосложно и нетрудно.

Много не надо читать. Прочитавши что-нибудь, жуйте то, пока дойдет до сердца. И довольно. Вот вам признак полезного чтения! Когда какое место так займет, что все мысли и внимание сосредоточатся в нем, это хорошо. Всякое другое чтение есть праздное.

Дух католичества земной. Церковь у них и по-ихнему есть политическая корпорация, человеческими силами и средствами поддерживаемая, каковы: инквизиция, индульгенции, – с видимою главою. Православная Церковь есть духовный союз всех во Иисусе Христе и чрез Него взаимно между собою. Церковь невидимо правится Господом и направляет к своему концу.

От искушений никому не избежать; но можно избежать падений! Самому нельзя, а с Богом и помощью небесною. Она готова, окружает всякого, только надо не разделять себя от ней, не отгонять ее. Отгоняется она страстными помыслами, чувствами и желаниями. В сердце смотрит Господь, и каково оно к Нему, таков и Он к нему.

Пока не сядет душа умом своим в сердце, до тех пор не видит себя и не сознает, как следует.

Запомните, пожалуйста, что, кто не начинал порядка жизни духовной, для того разорение внутреннее, нехождение по нем, непоколебительно. Но кто начал и бросает, для того это очень пагубно. Зерно, не прозябшее на морозе, не гибнет, – сила жизни хранится в нем; но подмерзший цветок – семя жизни раскрывшееся, гибнет или повреждается по мере мороза. Так и здесь. У кого уже жизнь начала являться, весьма пагубно бросать. Заметьте сие. После каждого бросания силы все будут слабее и слабее. Совсем наконец расслабнут, останется одно имя, внешний порядок жизни без внутреннего соответствия ему.

Делая что хорошее, не благодетельствуем Богу, а свой долг исполняем...

Покаяние Господь нам дал, как умывальницу небесную. Оно всю душу вычищает, как снег белу делает.

Самовосхваление и осуждение две самые обычные у нас вещи.

Делаете ли что, говорите с кем, идете, сидите, кушаете, – ум все с Господом да будет. Забудетесь, и опять воротитесь к Господу и себя побраните с сокрушением... и все так... в этом подвиг внимания. Тогда, при свете Господа, ни один помысел не укроется, и оценка им будет верная, разлетятся все благовидности. А между тем душа будет все крепче и крепче прилепляться к невидимому и становиться сильнее.

Не думаете ли вы, что в словах вся сила? Слова – пособия немощному уму, который неохотно стоит на одном месте и на одном предмете.

Читать без сознания какая польза?

Вы видели в себе раздвоение, и дивитесь, как оно возможно. Оно должно быть. Сначала человек был единичен в себе. По падении пришел другой человек, противоположный первому совершенно. До обращения человека на путь правды страстный – весь составленный из страстей – человек одолевает, заглушает бесстрастного, чистого человека, но не уничтожает. Когда с помощью Божиею пробудится человек от усыпления, то начнет бороться, вырываться из когтей страстного человека, или вырывать себя по частям; один стоит на одной стороне, другой – на другой, и страшная у них пальба. Но сознание у человека одно, хотя внутренние движения раздвоены. Вот и непонятно, что такое: из одного сердца два противоположные голоса. Внимайте себе. И злое отвергайте, а к доброму прилегайте.

Благодать носит душу, как мать дитя свое. Когда дитя зашалится, – и вместо матери начнет засматриваться на другие вещи, тогда мать оставляет дитя одно, – и скрывается. Заметив себя одно, дитя начинает кричать и звать мать... Мать опять приходит, берет дитя... и дитя еще крепче прижимается к груди матерней. Так делает и благодать. Когда душа зазнается и

забудет думать, что носится и держится благодатию, благодать отступает... и оставляет душу одну... Зачем? – затем, чтобы образумилась душа, восчувствовала беду отступления благодати, и начала крепче лнуть к ней и искать ее. – Такое отступление – есть действие не гнева, а любви Божией вразумляющей и называется отступлением поучительным.

Учитесь. А поста не чуждайтесь. Он вещь прелюбезная. Только помалу... Обычно так, чтоб после еды все в душе оставалось по-прежнему, то есть и та же теплота сердца и та же светлость мысли. Это мерка. Это определит и количество. Особый пост принимать надо тогда, когда есть внутренняя потребность, – душа требует, – совесть обязует... тогда и сила большая будет, ибо тогда душа бывает сердита на свое тело и хочет его умучить.

Не позволяйте себе легкомысленно давать волю своей душе. Ее всегда надобно держать на привязи и в мыслях, и в чувствах, и в хотениях, потому именно, что они нехороши, недоброжелательны нам, они в сговоре с князем века против Господа, за нас распявшегося.

И что будет проку, когда одною рукою созидаем и другою разоряем? Вы позволяете свободу мыслям, речам, делам, в той мысли, что вынуждают другие. О чем теперь мы и хлопочем, как не о том, чтоб сохранить трезвенный ум, несмотря на все внешние развлечения?

Празднословия, шуток, смехов не позволяйте. Надо связывать язык. Ибо это колесо, которое большею частию вращается адскими парами. Говорите, когда вынуждены.

В сердце жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех начинающих искать Господа. Тогда только и начало жизни, когда в сердце покажется сосредоточенная неугасаемая теплота; а теплота легонькая, весьма непрочна. Сначала Бог сотворил свет разлитый; а в четвертый день сосредоточил его около солнца. Так и в духовной жизни – и при чтении, и при богомыслии, и при молитве, и в церкви, и при беседе бывает в сердце теплота; но какая-то легкая, навевная, а не привитая. Надобно, чтоб она сосредоточилась в сердце, привилась к нему, затлела и горела. Тогда любо.

Что нам за нужда до других, когда дома пожар?.. Поспешим в свой дом и начнем тушить. Вперед приготовляйтесь к брани, именно – сообразите всевозможные случаи, обсудите их и положите себе, какими мыслями отражать худое в том и другом случае. Такой прием много помогает; ибо не будете застигнуты врасплох. А другое дело время и опыт научит.

Пять ран Господа распятого невелики; но за ними лежат необъятные вместилища. С какою кучею грехов ни приди и сколько лиц ни приди, все там упрчется.

Все внешнее в жизни духовной весьма неважно. В сердце – все дело.

Как солнце держит планеты и водит их за собою, так весь духовный мир, стало, и наши души, должны держаться Бога и водиться Им. И это не час или два, а непрестанно, с минуты пробуждения до самозабвения во сне. Вдруг поставить себя в это состояние нельзя. Нужен подвиг. – Вот он-то и требуется теперь.

Всякий покой телу ущерб для души.

Иногда Господь оставляет нас ходить в волях сердца до времени. Гуляйте себе – гуляйте. Но, Господи, даруй же и благодать сокрушения. Стукни в голову, чтоб опомнился и отрезвился ум немного.

Когда запружают пруд, – как делают? Вдруг спешат завалить проход. А если положить ком земли и бросить дело, то вода разнесет его. Опять положить ком и оставить, – опять вода разнесет. И так – труд без конца, – а пруд все-таки не строим. Примените это к душе. Ток помышлений, как река, быстро льется из головы и сердца. Вдруг надобно зажать проходы, – и уж не отпускать. А если немного подержать и отпустить, – ничего проку не будет. Это то же, что строить да разорять. Коль скоро заметите что-нибудь такое, никак не позволяйте себе поддаваться тому. Таков закон. – Господа ради преодолевайте себя во многом.

Всюду нужно терпение. – Ибо без него что сделаем? Всякая малость требует его. Но и Господь многомилостивый терпеливому и постоянно добросовестному труду благословение дает; а от лености и нерадения отвращает очи Свои.

Говорят святые старцы: что скоро приобретается, то скоро и теряется. Чего достигнете с трудом, потом и частыми лишениями, то будете дорого ценить и усерднее беречь.

Хорошо бы проститься со всем миром и закатиться куда-нибудь так далеко, чтоб и звук мирской не заходил в ваши уши. Соприкосновение с миром крепко пятнает душу нашу. Сиди, да счищай! – се весь труд! А тут смерть! – И не оглянешься, как пожалует. Будем, по крайней мере, трудиться, сколько можем.

Христианство что есть? Образ спасения падшего. Сколько уж знаем мы спасенных? А как они спаслись? В Церкви Христовой. Пусть живет, как велит Церковь, и спасется. Кому не совсем ясно, чем и как совершается в Церкви Божией спасение, тому вот что надо сказать: «Веруй во все, во что веровать повелевает Святая Церковь, и, приемля благодатные силы чрез Таинства и возгревая их чрез участие во всех других священнодействиях и чрез исполнение всех других постановлений Святой Церкви, иди неуклонно путем заповедей, Господом Иисусом Христом нам прописанных, под руководством законных пастырей, и спасешься». – Если осмотримся кругом, то увидим, что все сие уже действует окрест нас!

Плохо жить в монастыре тому, кто в общении со многими хочет жить там, как бы в обществе. И там одного только знать надо, – настоятеля или духовного отца и старца; а относительно прочих должно быть так расположенным, как будто их нет.

У турок нет театра, его заменяют они опиумом. Опиум и театр – одно и то же. Театр есть вещь вовсе не христианская, и умен человек, который не бывает в нем. Мы его переняли у Запада. Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется. Другая злая у нас вещь – наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все неймется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим; и сердцем не разумеем.

Театры правительством придуманы для тех, кои не ищут спасения, чтобы они не предались злейшему какому пороку; для ищущих спасения есть Церковь, где не предстательно, а самым делом Господь, Ангелы и все святые общаются с нами! Деньги же, которые надо на театр истратить, не лучше ли отдать нуждающимся.

Бывают минуты, когда очень нужно слово. Скудность слова есть наказание Божие.

Надо дома строить свой Иерусалим.

Дыхание христианина должно состоять из покаянных воздыханий, и, когда нет их, это значит, что он задохнулся.

Вас хвалят. Что ж тут дивного? По частичке от каждой похвалы падает на червяка самолюбия и тщеславия и питает его; он растет незаметно для вас, позволяет быть и смиренным чувствам, пока не окреп. А когда созреет, все подьест зараз. Опасно! Похвала щекошет сердце, останавливает ревность и расслабляет. Это то же, что бегущему подставить ногу. Остановка в духовной жизни есть уже движение назад. И это худо! Что же делать? Смирятье сами себя и подавляйте возношение мысли и сердца всякими смиренными о себе чувствами.

Сходим однажды в церковь, положим дома пять поклонов, прочитаем страницу спасительной книжки – и попали в святые. Куда как верно! Уничиженный труд телесный много помогает. Желайте оскорблений и паче – неправых; по крайней мере, встречайте их, как спасительный пластырь, Господом прилагаемый на рану тщеславия. Похвалы заморозят вас, и выйдет из вас мраморное изваяние, не некрасивое наружно, но безжизненное.

Хорошо, что душа молится во сне, когда не даем ей свободы молиться вдоволь днем. Однако же – это доброе напоминание! Дается знать, чтоб вы прилежали к молитве и молились, не лентясь...

Бог поругаем не бывает. К немощам нашим весьма снисходителен, а непокорства терпеть не может.

Вам желательно разгадать, чего ради Господь столько времени позволяет иноверцам угнетать православных. Где нам досягать до высоких и зреть глубокие помышления Божии! Видите,

каково наше разумение? Пророчат (в календаре) 15 градусов тепла, а выходит 20 градусов мороза. И это в обычных вещах... А до путей Божиих куда нам?

Вот и год на исходе! Как скоро течет жизнь, час за часом, день за днем. Глядишь, и дверь гроба пред глазами. Что делать с душою? Великая хитрость нужна, чтоб владеть собою. Старцы Божии одолевали себя, но и то не всегда. Вот тут и толкуй о силе воли и самовластии души! Где она, укажите, философы? Только тому, кто Господу отдаст себя со всем, дается сила владеть собою, или вливается в него такая сила.

Как человек очистит свое сердце? Трудом в исполнении заповедей, противоположных страстям. Проси помощи, но и сам трудись. Без своего труда и помощь не придет. Но и из труда, если не придет помощь, ничего не выйдет. И то и другое нужно.

У нас нет книг, читая которые, можно бы образумиться тем, кои еще способны к образумлению... Нужны жаркие книги защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать.

Горе нам! Запутал нас сатана и не можем выпутаться. Прописал такие тиранские законы, что мочи нет, а следуем им и исполняем их рачительно. Сколько яду! Вы, думаю, все сие знаете. Достается вам от всего этого. Терпите и молитесь. Господь всемогущ. Не заметите, как вышвырнет из сего омута.

Какие по временам безотрадные приходят мысли! К чему доведет нас наш образ мыслей, наша литература, наши обычаи!

Дело делается лучше, когда делается само собою, ибо тогда оно устроится не человеческим умом, но Божиим изволением.

Господь не взойдет в сердце неверующее, хоть стоит у дверей и толчет, а вне Господа какие утешения?

Со страхом и трепетом подобает нам проходить дело свое и житие свое, и служение свое, то, что кому положено, и где и как положено.

Не думайте, что вы найдете себе помощь в развлечениях. Развлечения и без того тоску наводят, а при тоске от них еще тоскливее. Да, так. В минуты веселости внешней забывается болезнь сердца, но зато, когда по миновании увеселений и развлечений душа остается одна, дает же она знать о себе своему хозяину удвоенным, утроенным и даже удесятеренным гореванием и тоскованием. Вязало горе, и ну развлечений искать! Бросьте, лучше у Господа просите милости, утешения, и у Пречистой Владычицы. Вот если Они дадут, то уж дадут, как следует, прочные утешения. К Ним и обращайтесь!

На всех степенях бывают грешники, и милость Божия покрывает их, ожидая обращения. Частностей обобщать нельзя, то есть от одного случая заключать к характеру человека и от одного человека к целому классу людей. Да и всегда, при речах осуждающих, держите правило: не верить. Один старец, когда к нему пришел кто-то и начал говорить худо о другом, спросил его: «Откуда знаешь о том?» Тот сказал: «Один добрый человек рассказал» «Ну, нет, не добрый, – отвечал ему старец. – Если бы был добрый, не стал бы худо говорить о другом». Так и нам надо.

Владыками нужно быть над самими собою. На то мы созданы, на то и воссозданы Господом! Есть у нас две стороны: неопределенное течение желаний и помышлений и сознательно свободная и разумная деятельность. Последняя должна рассеивать мрак первой.

Заводить знакомство надо только по уверенности в единомыслии и единомыслии, а без этого умножение знакомств есть только разорение.

Держать себя при посещениях собранно, с памятью о Господе и со страхом Божиим, лишнего не говорить, в суждения не вдаваться и не строить пустых планов; все сие и многое другое в нашей власти. А когда в нашей власти, стало быть, и ответ за то на нас лежит.

Что у вас там за чтения? И что из сего читаемого вы находите полезным и приложимым к жизни? Последний признак должен быть пробой доброты исследования Писаний. Но есть и

другое исследование, никуда негоднее – бесплодная пытливость ума. Вот как разбирайте. Если, слушая, видите, что все мысли, как мыльные пузыри, хоть и красны, да пусты и скоро от легкого движения воздуха здравого рассуждения трескаются; знайте, что слышанное есть дело пытливости праздной. А если, слушая, найдете, что слышанное садится на сердце и втесняется в него, и давит его, сокрушая, или расширяет, возвеселяя неземными надеждами; то знайте, что слышанное не есть дело праздной пытливости, а есть опытом дознанная истина.

В сущности дела всегда оказывается, что в основе подобного чувства нарушенной правды всегда лежит чувство оскорбленного самолюбия, унижения нашего достоинства, или неотдание ему должного почтения или должной цены. Жар ревности по правде совсем не оттого, что дорога правда, а оттого, что кто-нибудь дерзнул нарушить сию правду в отношении к нам. Будь это в отношении к другим, еще бы сносно, то есть, может быть, сквозь зубы сказали бы: это неловко, и конец; а пожалуй извинили бы. Замечаете ли, что крик за правду только снаружи, а в середине – война за себя?!

Когда есть смущение на душе, чего бы оно ни касалось, не верьте душе в ту пору: все врет, что ни говорит.

Дела свои делайте понемножку, с усердием, а о плодах очевидных менее помышляйте.

Ныне всех сбивает с толку распутие помышлений и правил. Трудные времена! Господь блюдет, однако ж, своих и дает им осязательно видеть и ощущать святую правду.

В какую хотите церковь ходите, только в одну. А мыкаться по разным церквам, как вам предлагают, нелепо.

Мудрствовать станем – на всякой малости станем в тупик, а в простоте сердца принимать все правила – спасительно.

Мир искусств есть душевный и даже чувственный мир, но не духовный.

У старцев пишется: пока есть охота давать и брать, не жди покоя.

Законом положите ничего не предпринимать в тревожном состоянии духа, равно и не говорить. Как ни благовидна бывает вспышка и как ни правым кажется то, что бы хотелось сказать и сделать в ту пору, все же в сие время душа не может соблюсти меры должной, тем более – чистоты, ибо сие состояние само по себе бывает всегда с примесью самости.

По-простому закону, доброе начало – половина дела; а в христианстве доброе начало – все дело, ибо там семя будущего целого дерева с листьями, цветами и плодами.

Евангелие каждый день положено прочитывать одно зачалом. Это урок Святой Церкви чадам своим. Надо изучать...

Есть люди, кои мысли, выбиваемые словом Божиим из сердца, как искры выбиваются огнем из кремня, записывают на память, в той вере, что это суть наставления, предлагаемые Ангелом Хранителем. И действительно так. В час нужный такие мысли будут насущным хлебом для души. И тот, кто не отпускает их, делает то же, что тот, кто заберегает денежку про черный день.

Большую частью люди, пришедши к мысли, что надобно спастись, находят в себе и в порядке своей жизни очень много такого, что ведет не ко спасению, а к пагубе, то есть или понятия неправые, или чувства и расположения недобрые, или привычки страстные, или связи скверные, и прочее и прочее. Таковым, при решимости жить по-христиански, нельзя миновать болезненного перелома потому, что нельзя им не чувствовать гнева Божия, за произвольное оскорбление Его величия, и потому, что им надобно отрывать сердце свое от того, чем оно услаждалось дотоле, и склонять к тому, что совсем ему кажется неприятным. Чем более кто имеет страстных привычек и чувств и чем долее он жил в них, тем более болезненности и трудности встречает душа при обращении к Богу.

Жизнь истинно христианская устроится взаимно – благодатию и своим желанием и свободой, так что благодать, без свободного склонения воли, ничего не сделает с нами, ни свое желание, без укрепления благодатию, не можем иметь ни в чем успеха.

Ведайте, что благодать никогда не насилует свободного произволения и никогда не оставляет его одного, без своей помощи, когда оно того достойно, имеет в том нужду и просит о том.

Кто, оставаясь в прежних порядках, хочет очиститься от страстей, тот напрасно льстит себя надеждою.

Говорят: сердце сердцу весть подает. Те, кои давали наставления, давали их от души, так как они сложились у них в сердце собственным рассуждением и опытом. Это отзвук их сердечного настроения. Теперь всякий ревнующий о спасении, читая их наставления, сквозь внешнюю букву пройдет до духа их и, по духу ревности, его снедающей, войдет в подобонастроение с писавшими их и в сочувствие ко всем расположениям, которые исполняли сердце их, от него проникли в писания их и составляют главное почти содержание их.

Ведь не закон Божий надо подклонять под наши склонности, именуемые обычно немощами, а нашу выю под иго святого и неизменного закона Божия!

Ну, и гуляйте, други! Отворяйте настежь все ворота утех и наслаждений! И ликуйте на пиру жизненном... Никто вас не стесняет и никаких преград вам не полагает! Живите, как хотите. Вам только говорят словом Господним, что есть два пути, коими ходят сыны человеческие – путь тесный и путь широкий, и что первый ведет в живот, а последний ведет в пагубу.

Нельзя спастись иначе, когда между спасенными нет ни одного, который бы достиг места вечного упокоения не тесным путем. Не лучше ли покориться сей необходимости, хоть она и не так сладка? Вечно-то мучиться ведь хуже.

В раю, точно, много было предметов, могущих доставлять удовольствие человеку, но оные составляли прикрасу жизни райской внешнюю, стороннюю, а не цель человека. Цель была другая; пребывание в общении с Богом чрез свободное исполнение воли Божией. Если б рай остался навсегда жилищем человека, то все люди, точно, наслаждались бы и внешне, но никто и думать бы не думал и заботы никакой не имел бы о том; это была бы неизбежная тень богоугодной жизни. Так видите, и в раю не толковали бы и хлопотали бы об удовольствиях; а у нас, потерявши рай, хотят поставить наслаждение главною целию жизни. Ведь, если б наслаждения законно могли быть уделом падшего человечества, не стал бы Господь изгонять из рая падших прародителей. А когда изгнал, то тем показал, что утешная жизнь не к лицу падшему. Ведь падением изменился весь порядок! К жизни человека прибавлен краткий срок настоящей жизни, полной скорбей и бед, с целию вразумлять, исправлять и очищать человека, чтоб содействовать его достойным наслаждаться вечно в другом, вечном раю.

Истинная жизнь человека за гробом или, вернее, по воскресении, а настоящая жизнь есть только преддверие ее или приготовление к ней. В порядок ее и вложены Господом разные скорби и беды внешние и предписаны для нее разные стеснительные правила, как меры очищения.

Дайте человеку хорошо понять и приложить к сердцу мысль, как коротка настоящая жизнь и как много плода от ее теснот и узкостей для жизни будущей – нескончаемой, и он не только не станет чуждаться их, напротив, будет просить их и домогаться, как какого блага. Так и делают все, надлежащим образом понимающие значение настоящей жизни...

Когда человек пал, то не только стал ниже своего назначения, но и принял в себя некоторые чуждые его природе начала, как бы семена всякого исходящего зла. Стало быть, в человеке падшем надо различать то, что свойственно его природе, от того, что несвойственно ей, хотя тоже есть в человеке. Все стеснительные правила и меры, предписываемые и устрояемые Господом, направляются исключительно против сих пришлых злых семян, чтоб подавить их, заглушить и тем дать свободу истинной человеческой природе.

Стеснение – не насилие природы, а благодетельное пособие ей. Они то же, что операция для отрезания вредного члена, или пластырь, вытягивающий вредную материю.

Утешники-то ведь жалкие люди – пропащие! Не то, чтоб уж никакое утешение не было уместно в жизни; да приемлем все с благодарением от руки Господней; но то, что гоняться

за ними не следует, тем менее поставлять их главной целью жизни и еще менее восставать против всякого стеснительного предписания, и знать не хотя того, что оно предписано Самим Господом. В последнем, кроме непонимания дела, видно даже богоборство.

Господь постился, Апостолы постились, и притом – не мало; и все святые Божии держали строгий пост, так что если б дано было нам обозреть обители райские, мы не нашли бы там ни одного, кто бы чуждался поста. Так и следует. Нарушением поста потеряв рай, – поднятие строгого поста должно стоять в числе средств к возвращению потерянного рая.

Кто осуждает непостящегося, тот грешит, но непостящийся чрез это не становится праведным.

Шум да гам не есть радость. Радость бывает на сердце, которое не всегда радуется при внешних увеселениях.

Помышления о Боге – великое дело, ибо они все совершаются пред Его очами.

Что за скарредное занятие – пересуды сплетать? Вы же заготовьте себе булавку и всегда носите ее с собою. Как только и ваш язык начнет пересуды, колите его нещадно.

Кто нужен, того Бог пошлет, а самим-то что навязываться?

Прогресс по духу мира – мечта.

Неправду Бог попускает иногда здесь затем, чтоб возвысить терпящего в будущем веке.

Начали ли вы что-нибудь читать? Пора. Задохнетесь, ибо без чтения душно, и душа голодает.

Почаще бейте душу свою, чтоб не вознеслась чем-либо, ибо нечем. Станьте-ка, да рассчитайте, что сделано и из сделанного выходит ли какой прок, или все мишура? Надо становиться когда-либо на суд, где все будет рассчитано, и слово, и дело, и взгляд, и мысль.

Шутить с сердцем нельзя, оно глупо. И не увидишь, как покривится.

Что дороже души и покоя ее? А сержание отнимает сей покой. Тут себе наветником бывает человек. И сам еще раздувает, увеличивая в душе неправды другого. Все от того, что внимания нет к себе: вот и прорвется. В сердце глубоко лежит присвоение себе прав судить и наказывать за грехи других, вместо себя. Тут все... Когда бы себя грешником видел человек, с чувством всех последствий греха, не стал бы сержать.

Как оградою ограждены и как латами прикрыты мы нашею церковностию.

Умники наши не хотят никого слушать, кроме своего ума.

Каждый из нас крепок, как крепка вся Церковь Божия.

Верующий состоит в живом общении со всем невидимым миром.

Апостолы о себе просили молиться и всем заповедали молиться друг за друга. Это же должно быть соблюдаемо и в отношении к отшедшим православным и вообще ко всему невидимому миру, с коим союз так же действителен, как и с видимым.

Всего с церковной кафедры не проговоришь. И то надо сказать, что и потребности слушающих разнообразны. Одному нужно рассуждение, другому одно живописное изображение предмета – всякому свое, но цель говорящего и слушающих одна, – проникнитесь ею и читайте, воодушевляясь исполнять делом читанное.

Христианин в чувстве сердца своего должен носить глубокое убеждение в своем непотребстве при всей праведности, или при всем обилии добрых дел, о которых, однако ж, должен ревновать неусыпно.

Полная праведность, или всеобъемлющая добродетель, складывается из следующих трех частей:

– из добрых дел, видимо для всех телом совершаемых, в свое время и своем месте;

– другую часть, входящую в состав полной праведности, составляют добрые чувства и расположения, скрывающиеся под видимо совершаемыми делами: это суть любовь, мир, терпение, кротость, милосердие, воздержание, смирение, благоговение, отрешение от всего и прочее; дела видимые только тогда имеют цену, когда они служат выражением первых, то есть

внутренних чувств, ибо иначе можно, например, телом быть в храме, а душою – в блудилище, языком снисходительно извинять, а в сердце осуждать, положением тела показывать почти-тельность, а внутри питать презрение, глазами не смотреть будто на лица, а в душе распалиться похотью и прочее;

– третью часть полной праведности составляет крепкая, как смерть, ревность о славе Божией, воодушевленная пламенной любовью к Богу и воодушевляющая все добрые чувства сердца и все добрые дела видимые.

Основное чувство нашего сердца есть грусть. Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае, и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?..

Если не у всякого есть смертные грехи, но все же есть грехи. Запылившийся в дороге хоть не то же, что упавший в грязь, но все же ему нельзя оставаться так. Надо и лицо умыть и платье вычистить. Так и тем, кои идут путем жизни сей многособлазнительной, нельзя не запятнаться хоть чем-нибудь. Что бы это ни было и как бы малозначительным ни представлялось, нельзя того оставить на себе, – надо очистить. Ибо Господь говорит, что в Царствие Его не войдет ничто нечистое.

Грехом любовь беспредельная Творца и Промыслителя оскорблена, обеты крещения нарушены; второе: распят Господь и Спаситель наш (то есть когда грешили, мы продавали Его, подобно Иуде, заушали, оплевали, ругались над Ним и наконец распяли), чрез грех потеряны все высокие преимущества христианские и – не только христианские, но и человеческие, и человек уподобился скоту.

Обыкновенно много пишется правил, как готовиться к покаянию и как производить его... Но я скажу вам одно: умягчите свое сердце и сокрушите его, и оно тогда само научит вас всему!

Грехами своими, страстями и мирскими обычаями мы изгнали Его. Вот все время Он искал нас, то, как потерянную драхму, то, как овцу погибшую, и не находил, потому что мы всячески ухищрялись укрываться от Него. Бывало, что Он и захватывал нас где-нибудь, становился у дверей сердца и толкал, чтоб отворили, но мы не отворяли: толкал словами истины, и мы не внимали им; толкал тревогами совести, и мы заглушали их; толкал внешними скорбями, но и то не образумило нас.

Семя всего нравственного зла – самолюбие. Оно лежит на самом дне сердца. Человек по назначению своему должен бы забывать себя в своей жизни и деятельности, – должен бы жить только для Бога и людей.

Нельзя любить Бога, не любя ближних, и нельзя любить ближних, не любя Бога, – равно как, любя Бога и ближних, нельзя не жертвовать собою славе Божией и благу ближних. Но когда человек мыслию, сердцем и желанием отвращается от Бога, а вследствие того и от ближних; то естественно останавливается на одном себе, – себя поставляет средоточием, к которому направляет все, не щадя ни Божественных уставов, ни блага ближних. Вот корень греха! Вот семя всего нравственного зла!

Хочу, чтобы все было мое, замышляет своекорыстный – и вот вторая отрасль коренного нравственного зла. Заметнее всего раскрывается в ней дух самолюбия. Оно, как бы само лично, действует здесь: своекорыстный не скажет слова, не сделает шага и движения без того, чтобы отсюда не вытекала для него какая-нибудь выгода. Так все у него рассчитано, так все упорядочено, всему дан такой ход, что и время, и место, и вещи, и лица – все, к чему прикасается его рука и мысль, – несет в его сокровищницу сродную себе дань. Личная польза, интерес – это коренная пружина везде и всегда приводящая в быстрое движение все его существо, и по ее возбуждению он готов все обратить в средство для своих целей: будет искать высших степеней

достоинства и чести, если это выгодно, возьмет самую трудную должность, если она прибыльнее других, – решится на все труды, не будет ни есть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Он или корыстолюбив, или любостяжате́лен, или скуп, и только под сильным влиянием тщеславия может любить великолепие и пышность. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и Божественных постановлений. Душа его как бы поглощается вещами и живет даже не собою, а ими. Вот сила и область второй отрасли злого семени – самолюбия!

Хочу жить в свое удовольствие, говорит поработанный плоти, – и живет в свое удовольствие. Душа погрязает у него в теле и чувствах. О небе, о духовных нуждах, о требованиях совести и долга он не помышляет, не хочет и даже не может помышлять. Он изведаль только разные роды наслаждений; с ними только умеет обходиться, говорить о них и рассуждать. Сколько благ на земле, столько потребностей в его теле, столько полных удовольствиями областей для преданного чувственности, и для каждой из них образуется в нем особенная наклонность. Отсюда – лакомство, многоядие, изнеженность, щегольство, леность, распутство – наклонности, сила которых равняется силе закона природы, стесняющего свободу.

Состоя в живой связи с природою через тело, душевно преданный телу столькими каналами пьет из нее удовольствия, сколько в теле его отравлений и вместе с наслаждениями он впивает в себя и коренной дух природы – дух механического произвольного действия. Потому, чем у кого больше наслаждений, тем теснее круг его свободы, и кто предан всем наслаждениям, тот, можно сказать, совершенно связан узами плоти.

На дне сердца, как мы заметили, лежит семя зла – самолюбие; от него идут полные его силою три отрасли зла – три его видоизменения: самовозношение, своекорыстие, чувственность, а сии три рожают уже бесчисленное множество страстей и порочных наклонностей; как в древе главные стволы пускают от себя множество ветвей и отростков, так образуется в нас целое древо зла, которое, укоренившись в сердце, расходится потом по всему нашему существу, выходит вовне и покрывает все, что окружает нас. Подобное древо, можно сказать, есть у каждого, чье сердце хоть сколько-нибудь любит грех, с тем только различием, что у одного полнее раскрывается одна, а у другого другая сторона его.

Искренно желающий спасения не смотрит на препятствия: от них он еще бодреннее восприняет, решительнее приступит и ревностнее начнет спасительное дело самоисправления.

С тех пор как проклята для человека земля в делах своих, человек в поте лица достает себе благо телесное, тем более духовное. Зато сколько бывает наконец утешений в приобретении.

Труд самоисправления не столько тяготен на деле, как нам кажется с первого раза. Он представляется необъятным только со стороны, только дотоле, пока мы не вступили в него. И здесь, как в обыкновенных делах, все зависит от воодушевления, с каким кто приступает к делу.

Хотение творить волю только свою, не покоряясь воле Божией, с нехотением противиться себе и повиноваться Богу, и есть то, что называется живущим в нас грехом.

Грех, вселившись в самой глубине души, вместе с тем подчинил себе и все силы ее, – ум, волю и чувство, и разложился от сего на множество наклонностей, страстей и греховных помышлений; из души перешел в тело, отсюда в дела и поступки, и таким образом проник все поведение и все отношения человека. Как инстинкт, влечет он грешника по обычному пути далее и далее, не давая ему времени одуматься и как-нибудь остановить цепь своих греховных желаний. Большею частию грешнику и на мысль не приходит изменить свою жизнь: грешник и не думает о том, что грешит. Но если и увидит грешник, если и узнает, что того или другого не должно делать, что то или другое желание, та или другая наклонность, безнравственны: то и тогда что пользы? Ему не хочется поднять руку, подвинуть ногу в противность незаконному желанию или незаконной наклонности; потому что ему вообще не хочется не грешить,

не хочется воспротивиться себе и покориться Божией правде. Он пленник, увидевший, что связан по рукам и по ногам, и беспечно предавшийся поносной судьбе рабства.

Сначала надобно восстать против греха вообще возненавидением его, изгнать его из его главного местопребывания переломом воли, возбуждением жажды противления греху и покорением себя святой воле Божией, – а потом уже восставать и против порождений сего греха, поражать остатки его в себе до возможного его истощения.

Грех скрывает узы, в которых держит душу, и она, по ослеплению, привыкает к своему рабству и начинает любить его.

Кто не пробужден, тот не станет бороться с собою, – кто не борется, не победит.

Как каждый человек имеет свое личное настроение: то для каждого должен быть и исключительный род благих помышлений, особенно поразительных и возбудительных, или даже одно какое-нибудь господствующее всепобеждающее помышление.

Стремительнее перебирай все представления, могущие возбуждать волю, и наиболее останавливайся на том, которое с первого раза стрелою пройдет сквозь твое сердце. Это твое: развивай его со всею живостию; оно спасет тебя.

Каждая страсть, каждая наклонность в основании своем имеет известное убеждение, которое прикрывает их от взора совести и холодного размышления или, лучше, которым сердце усыпляет совесть и обманывает рассудок. Например, в основании гнева всегда лежит мысль, что другой намеренно досаждал нам; в основании тщеславия – что все заняты нами; гордости – что мы лучше всех и прочее.

Для укрощения гнева и оскорблений надобно возродить убеждение: сам во всем виновен, ты стоишь всякого презрения и поношения; против тщеславия: никто на тебя не смотрит; против гордости: нет твари, презреннее тебя и прочее.

Всякое греховное движение держится в душе через ощущение некоторой приятности от него: потому, когда возбуждена неприязнь к нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою исчезает. Впрочем, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гневом помыслы, труднее – желания, но еще труднее – страсти: ибо сии сами суть сердечные движения.

Мучительно исправление: оттого душа и не видит утешений благодати, совершающей сие исправление.

Что с трудом достается, то дорого ценится и бдительно хранится.

Есть, по замечанию подвижников, какая-то непреодолимая сила, обращающая душу на саму себя, на свое достоинство и совершенство. Не доброе только дело, одна порядочная мысль, особенно при виде каких-либо недостатков в других людях, возбуждают душу хвалить себя пред собою, мечтать о своих трудах и делах духовных. Всем известна опасность такого надмения.

Дух человеческий по самой природе своей нестяжателен. Он бывает стяжательным от преобладания над ним души и требований телесных.

Бог есть любовь; потому только приобщившийся Ему имеет любовь и постигает ее.

Грешник теряет свободу. Невольник у греха, он повинуется ему во всем, как животное инстинкту.

Дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях.

Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон

(В миру Новиков Сергей Михайлович) (1928–2006), русский, уроженец Ярославской области. В 1943 году окончил 8 классов средней школы, затем химико-механический техникум. С 1947 года работал на одном из предприятий г. Ярославля. В 1951 году поступил в Московскую Духовную Семинарию и по окончании ее в 1955 году – в Московскую Духовную Академию, которую закончил в 1959 году по первому разряду, со степенью кандидата богословия за сочинение по кафедре Священного Писания Ветхого Завета на тему «Митрополит Московский Филарет

как истолкователь Священного Писания Ветхого Завета». 17 декабря 1958 года поступил в число братии Свято-Троицкой Лавры. 28 декабря того же года пострижен в монашество с именем Симона, в честь преподобного Симона Радонежского, ученика Преподобного Сергия. В 1959 году рукоположен в иеродиакона, а 12 апреля – в иеромонаха. С 1964 по 1965 годы – настоятель Преображенского храма Троицкого патриаршего подворья. С 1959 года был преподавателем Московской Духовной Семинарии, а затем Академии. В 1964 году утвержден в должности доцента по кафедре византологии. С 1965 по 1972 год был инспектором Московских Духовных Академии и Семинарии. 11 октября 1972 года был определен и 13 октября наречен епископом Рязанским и Касимовским. В 1978 году возведен в сан архиепископа. С 1990 года преподаватель Литургии в Рязанском православном духовном училище. Награжден орденами Русской Православной Церкви во имя св. равноапостольного великого князя Владимира II степени, Преподобного Сергия Радонежского I и II степени, князя Даниила II степени, Указами президента Российской Федерации Высокопреосвященный СИМОН награжден орденом Дружбы и юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», золотой медалью Российского фонда мира «За миротворческую деятельность». Архиепископ является почетным гражданином Рязани. 7 мая 2003 года владыка был зачислен на покой с определением места пребывания в Николо-Бабаевском монастыре, где и находился до своей блаженной кончины. Умер 1 сентября 2006 года.

Цель «умного делания» – достичь предстояния Богу в чистой молитве. Через нее подвижник научается великим тайнам духа.

Началом пути к чистой молитве, как и вообще к духовной жизни, является борьба со страстями, со злом. Подвижник в опыте жизни своей познает, что полем духовной битвы со злом является его собственное сердце. И он с первых же шагов вступает в сильную, крепкую, упорную брань, некоторые ведут титаническую борьбу, неведомую миру.

Ум, по мере преодоления страстей, все сильнее противостоит помыслам и становится более устойчивым в молитве и богомыслии. Сердце же, освобождаясь от омрачения страстей, все духовное начинает видеть чище, яснее, до убедительной ошутимости. Следовательно, научиться хранить ум и сердце посредством молитвы Иисусовой от всех плохих помыслов – первая задача безмолвника («исихаста» – греч. – покой, тишина).

Всякое дело, всякое слово, всякое даже невыявленное внешне движение мысли или чувства – все поставляется на суд Слова Христова.

Каждый видит в других то, что в опыте духовном познал о себе самом, поэтому отношение человека к ближнему есть верный показатель достигнутой им степени самопознания. И по тому, как воспринимает человек ближнего своего, можно судить о мере благодати, которую он носит в себе.

«Бог есть Любовь» – свидетельствуют нам сонмы святых, в жизни которых мы можем созерцать самые драгоценные проявления нашей веры.

Без малого за двадцать веков жизни Святой Церкви прошло множество свидетелей любви Христовой, и все же в необъятном океане человечества их немного, они так редки. Редки потому, что нет подвига, более трудного, более болезненного, чем подвиг и борьба за любовь, ибо всякий идущий за Христом, как показал опыт веков, проходит через множество испытаний.

Не превозноси насельников Афона преждевременно и без меры, – это делают те, которые хотят потом больше очернить их. Не представляй их увенчанными лаврами (никто из людей им лавров не давал), – их ожидают венцы от Бога. Не осуди, если узришь кровавую рану на том, кого хотел бы уже теперь видеть Ангелом светлым. Всмотрись пристально, – и в тайнике души подвижника ты обнаружишь его святое желание и стремление всего себя отдать на служение Богу и людям, желание нести крест любви Христовой, разгляди и облобызай это стремление, оно достойно того.

Вздыхни иногда, помолись за насельников Афона, помяни их в своих молитвах, они нуждаются в них, как всякий человек в молитвах других (их не стыдился просить и св. апостол Павел). А насельники св. Горы не останутся неблагодарными. Они каждый день молятся за тебя, за всех людей, за весь мир. И в трудные минуты жизни твоей, когда ты особенно будешь нуждаться, они подарят тебе свои святые молитвы, приняв твою горе за свое, ибо насельник Афона не видит счастья для себя ни в этой жизни, ни в будущей, если он не поможет другим быть счастливыми.

Раскрыть нравственное значение догмата – значит помочь восприятию того живого начала нравственной жизни, которое заключается в этом догмате.

Святые отцы, предупреждая о трудностях духовной жизни, не перестают призывать к ней, утешая надеждой на Божественную помощь и спасение.

Избранники Божии – это воины Христовы, которые отбили козни силы вражией и здесь, во временной жизни, сделали сосудами благодати Божией. Своим равноангельским житием они, как светочи, освещали путь к Царству Небесному. А отойдя в вечную жизнь, являются неотступными ходатаями и молитвенниками перед Отцом Небесным за весь род христианский.

Подвижник уходил от мира, то есть от всего плохого, что есть в этом мире среди людей и в себе самом. Он старался затвориться в клети души своей и там, в тайниках своего сердца, покрытого тиной страстей, искал храм Божества и в нем – Бога.

Подвижники, уходя от мира, умели жить для мира, ибо знали, что там, в грешном, но ищущем Бога мире, много алчущих и жаждущих Христова слова, любви и веры, и потому любили этот мир и себя отдавали для мира.

Подвижник, творец умной молитвы, есть в то же время и носитель истинного духовного просвещения. Для него молитва не только путь к богообщению, но и к боговедению. Через молитву ему открывалось то, что свв. Отцы называли «знанием логосов вещей». Весь видимый мир представлял собой для подвижника необъятное органичное целое, связанное союзом любви.

Подвижник – это «соль земли» и «свет мира». Вот почему в убогие кельи подвижников шли несметные толпы людей. Шли, чтобы поучиться, часто – у простого монаха, высшей науке – умению жить по-человечески, по-христиански.

Первая и основная истина христианского вероучения и богословия есть истина бытия Божия. Она относится к числу истин самоочевидных. Мысль о Высочайшем Существое прирожденна человеку, сотворенному по образу Божию. Человек непосредственно ощущает Бога, чувствует Его близость. Вера в Бога, возникшая на почве богоподобия и скрытая в душе человека сначала как бы в зародыше, с пробуждением сознания начинает раскрываться. С постепенным своим развитием человек чувствует нужду в оправдании своей веры в существование Бога.

Истина бытия Божия для того, кто живет религиозной жизнью, очевидна и не требует каких-либо доказательств. Что это так, свидетельствует уже то, что Священное Писание, предлагая эту истину, нигде не доказывает ее, наоборот, представляет настолько общедоступной и известной, что называет безумным того, кто говорит в сердце своем: «Нет Бога».

Начиная от грехопадения первых людей, на протяжении пяти с половиною тысяч лет, Бог приготавливал людей к принятию Спасителя. В Новом Завете Бог через Своего Единородного Сына, отдавшего Себя в жертву для искупления человеческого греха, возвестил людям спасительное учение о Царствии Небесном и о втором пришествии Христа на землю. Это спасительное учение свв. Апостолы распространили между народами и утвердили Церковь Христову, которая и является верной хранительницей Божественного откровения, или, по изречению апостола Павла: «Церковь Бога жива, столп и утверждение истины».

Библия – это «книги, написанные Духом Божиим, через освященных от Бога людей, называемых пророками и апостолами». Приступать к изучению Библии мы должны с чистым наме-

рением почерпнуть из нее все необходимое для укрепления в вере. Следует также помнить, что все написанное в Библии есть истина, необходимая для верующего.

Самым первым и самым необходимым условием для изучения Библейских повествований является вера в Бога. Как без веры нельзя угодить Богу, так нельзя и понять Священное Писание, потому что многие части его недоступны знанию человеческого разума. Вторым необходимым условием для изучения Библейских повествований является молитвенное настроение. Церковные песнопения, чтение кафизм, паремий, которые мы постоянно слышим в Церкви, послужат нам руководством к усвоению Библейских повествований.

Итак, уповая на Господа Бога, что Он, как в любом другом добром намерении, не откажет нам в Своей помощи, благоговей перед Библией, как перед Словом Божиим; руководствуясь изъяснениями Священного Писания Церкви Христовой и Святых Отцов, с открытой душой желая укрепиться в вере, мы можем понять и усвоить Библейские повествования.

В своих Евангелиях апостолы Матфей и Лука приводят родословную таблицу Иисуса Христа. Если у восточных писателей и был обычай при описании какого-либо знатного лица приводить его родословную, то у евангелистов были другие, более важные причины включить родословную таблицу в свои Евангелия. Апостолу Матфею, писавшему Евангелие для иудеев, необходимо было доказать, что Христос, учение Которого он проповедует, есть истинный Мессия, обещанный им Богом. Да иудеям и нельзя было доказать иначе, что Иисус есть ожидаемый ими Мессия, не показав по родословной таблице, что Он является потомком Давида и Авраама. Поэтому сразу же в первой главе своего Евангелия, ап. Матфей приводит родословную таблицу Иисуса Христа и ведет ее по нисходящей линии, начиная от отца верующих – Авраама – и кончая Иисусом Христом.

Апостол Лука писал Евангелие для язычников. Ему не нужно было доказывать, что Христос есть обетованный Мессия, но его цель была показать Иисуса Христа как Богочеловека, пришедшего на землю спасти всех людей, потому что все люди – Божии. Родословную таблицу ему не было необходимости помещать в самом начале Евангелия, потому он приводит ее уже как справку в третьей главе. В отличие от евангелиста Матфея, он ведет родословную по восходящей линии от Иисуса Христа и доводит до Адама и Бога.

Чтобы опровергнуть мнимую праведность иудеев, считавших себя уже за то праведными, что они потомки Авраама, евангелист Матфей вводит в родословную женщин: Фамарь, Рахав, Вирсавию и иноплеменницу Руфь, первые три из которых – блудницы. Этим он показывает, что все люди, и даже их праотцы виновны в грехах. От этих-то грехов по Своему милосердию к падшему роду человеческому и пришел избавить людей Христос.

Итак, Иисус Христос – Сын Девы Марии, Сын Давида, Потомок Авраама, Адама, Сын Самого Бога и есть истинный Мессия, пришедший на землю спасти падшее человечество, во исполнение Первоевангелия, данного прародителям. Именно это хотели показать Евангелисты, вводя родословные таблицы Иисуса Христа. Но строили их применительно к сознанию того народа, которому они писали Евангелие.

Пути Господни неисповедимы. Совершив дело спасения рода человеческого, воскресший Христос не уверяет членов синагги в истине Своего воскресения, ибо они уже веровали и трепетали; не является всему Израилю, который, не понимая великой тайны Божией в деле Искушения, не поверил бы и явлениям. Но в течение сорока дней ясными доказательствами: давая себя осязать, вкушая пищу, совершая чудеса, изъясняя Писание, Господь приводит Своих учеников к вере в Него как Богочеловека «Распятого... И воскресшего в третий день по Писанию». И они, как действительные очевидцы и свидетели спасения человечества, понесли благовестие по вселенной. Кто их мог разубедить в воскресении Христовом? Никто. Не видевший не может разубедить очевидцев и не может доказать обратное, так как у свв. Апостолов были истинные доказательства. Эти-то истинные доказательства они и запечатлели

в «Книге Жизни», дабы мы «уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его».

Призванные к просвещению язычников, свв. Апостолы Павел и Варнава предпринимают первое миссионерское путешествие и основывают Церкви в городах Малой Азии.

Если дому Израилеву уже было возведено о спасении мира через искупительную смерть Господа нашего Иисуса Христа, если у язычников, живших на территории Малой Азии уже во многих городах были основаны Церкви, то на территорию Европы еще не ступала нога апостольская. Поэтому слова «помоги нам» апостолы приняли как просьбу о просвещении Европы, находящейся во тьме идолопоклонства, Светом Христовой Истины.

Как ни клеветали иудеи, как ни восставали язычники, но проповедь св. ап. Павла дала обильные плоды. За три месяца были основаны цветущие Церкви в крупных городах Филиппах, Фессалониках, Вери и Афинах. За полуторалетнее пребывание в Коринфе, центре торговли между западом и востоком Римской империи, была основана Коринфская Церковь, в которую вошло много людей образованных.

Связывая начало Христова благовестия на Руси с именем св. ап. Андрея, преп. Нестор, несомненно, не свой личный домысел вводил в историю Церкви, а записал то, что с древнейших времен бережно сохраняемое передавалось из рода в род.

Итак, древнейшие следы христианства на Руси восходят к первым векам нашей эры и в преданиях, проверенных лучшими исследователями, связываются с именем св. апостола Андрея. Первые семена христианства на Русской земле, таким образом, посеяны св. апостолом Андреем, первым учеником Христа Спасителя, и, следовательно, им положены на Руси первые начатки Православной Церкви. В это твердо верил и верит русский православный народ и по праву гордится. Церковные историки наших дней на основании новейших археологических данных оправдывают это убеждение народа, научно показывая как полную возможность проповеди св. апостола Андрея у нас на Руси, так и то, что христианство здесь делало несомненные успехи еще задолго до официального признания его господствующей религией.

Предназначение человека жить в общении с Богом. Духовная область обитания человека – Богоподобие. Если для рыбы, например, областью обитания определена вода, то в воде она чувствует себя, как дома. Но стоит только вытащить рыбку из воды, она сразу ощутит неуют, будет метаться, биться, мучиться и, наконец, погибнет. Вот так и человек. Стоит ему выйти по своей греховности из среды Богоподобия, лишиться общения с Богом, он тут же почувствует неуют, дисгармонию. Суетится, бьется, мучится, и что бы ни делал, ничего не получается. И говорят о таком человеке, что он бьется, как рыба об лед. Почему так получается? Да потому, что полнота и радость жизни заключается в благодатном союзе с Богом, в постоянном общении с Ним, удаление от Бога служит источником духовных бедствий.

Назначение Святой Церкви – вносить Божественное начало в жизнь мира: очищать, освящать и обновлять мир и прежде всего венец творения, человека.

Церковь Православная называется так потому, что она «право», то есть правильно славит Христа Спасителя.

Вся история Православной Церкви – это великая школа, это книга жизни, читая которую, мы учимся познавать Премудрость и Благодать Божию.

Православная Церковь воспитала в своих недрах сонмы святых, то есть людей, исполненных Духа Святого. Святые, как яркие звезды на Церковном небе, светят своей внутренней красотой всему человечеству, и мы прибегаем к ним за помощью, зная, что они яснее нас видели истину Божию и следовали ей.

Отрадно свидетельствовать, что Русская Держава почти всегда была верна Православию. За то и Бог был всегда с ней. Не случайно существует выражение – Русь Святая. Если человек русский, то значит он православный.

Русская Православная Церковь всегда была со своим народом, любовно окормляя его, обличая грехопадения, врачую греховные язвы, разделяя с ним все невзгоды и испытания, которые выпадали на нелегкую долю его.

Ходи, христианин, в Православный храм Божий, и полюби его. Он создан для тебя, для твоего блага и спасения.

Если каждому человеку необходима благодать, и каждый человек должен нести нравственные подвиги для стяжания ее, то тем более она необходима для пастыря Церкви, кому Господь вручил паству для ведения ее по пути к Царству Небесному. Пастырь призван быть лучшим, совершеннейшим из всех христиан его паствы по силе веры, любви и благодати, причем настолько, насколько «он выше их достоинством».

Искренний, преданный Богу и пастырскому делу пастырь даже и не мыслится вне постоянной молитвы.

Постоянная связь с Богом через непрестанную внутреннюю молитву будет поддерживать и подогрывать религиозное состояние пастыря, которое является основой его богобоязненной жизни.

Пастырь-молитвенник на всем своем жизненном пути должен нести подвиги. Такова в действительности и есть жизнь истинного священника. Постоянная борьба с плотью, с мирской суетой и диаволом, постоянное и неуклонное воспитание в себе навыков воздержания везде и во всем – вот что ожидает желающего посвятить себя на служение Богу и людям. И это не только потому, что ни к одному из смертных не предъявляются такие высокие требования, ни от кого не ждут люди такого образцового жития, как именно от пастыря, но, главным образом, чтобы уготовать в самом себе внутренний храм Духа Святого, стяжать благодать и с ее помощью пробудить в себе сокровенные духовные силы, и совершать свое высокое служение.

Душа пастыря должна быть постоянно исполнена забот о спасении души каждого из вверенных его духовному попечению. Но, спасая других, священник должен спастись сам.

Чистота сердечная – это необходимое условие звания священника: без нее пастырь не может исполнить своей службы как должно.

Для того чтобы устоять перед напором житейских нужд, с твердостью переносить все (часто незаслуженные) нравственные страдания, а также, вращаясь в мирском кругу, равнодушно относиться ко многим общественным удовольствиям, составляющим запретный плод для священника, нужно обладать поистине великой силой духа. Только истинное призвание к пастырству, твердая вера и упование на Божественную благодать воодушевляют человека встать на пастырский путь и взять на себя «иго Христово».

Крещение есть таинство, в котором человек-грешник, родившийся с первородным грехом и его следствиями, но уверовавший во Христа, при троекратном погружении в воду во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, очищается благодатию Божией от всех прежних грехов и возрождается в новую, святую и духовную жизнь.

Как к дереву может привиться подобная ему ветвь, так и ко Христу, этой плодоносной Лозе, может привиться только подобный Ему человек – очищенный и просвещенный, ставший «удобоведомым Владыке».

Крещение есть только начало спасения, и на крестившемся лежит задача сохранить, укрепить и развить семя новой жизни, заложенное в таинстве Крещения.

На новокрещенного, ставшего на истинный и единственный путь ко спасению, одевается крест для ограждения от врага нашего спасения – Диавола. Крест необходим еще для постоянного напоминания человеку, что отныне он – христианин, и потому должен творить дела, достойные этого звания, помня слова св. ап. Павла: «Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе».

Для достижения вечного блаженства человеку нужно познавать Бога, любить и прославлять Его. Именно с этим назначением Бог и сотворил человека, дав ему вместе со свободной

волей внутренний нравственный закон – совесть, указывающий ему правильное отношение к Богу и к людям. Когда же внутренний закон был заглушен, вследствие грехопадения прародителей, и люди уже не слушались голоса совести, то Бог дал другой закон – внешний. В десяти заповедях Своего закона Он и от человека требует любви как к Себе, так и к ближним, потому что нельзя любить Бога, ненавидя своего брата.

Посещать храм святой и там возносить славу Господу – вот единое желание праведника, душа которого жаждет быть с Господом, как «желает елень на источники водные».

Храм – это «дом Божий», и является наилучшим местом для молитвы. Здесь сила ее одухотворяется сознанием того, что вместе со всеми невидимо присутствует Сам Господь наш Иисус Христос, сказавший: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Христианское богослужение есть источник духовной жизни для верующих.

Посещение храмовых Богослужений имеет нравственное значение и в том отношении, что, присутствуя на общественной молитве, верующие наглядно убеждаются в мысли о равенстве всех перед Богом.

Только находясь в постоянном духовном общении с Церковью и нравственно совершенствуясь при помощи Божественной благодати, христианин может постепенно ослабить в себе силу всякой нравственной нечистоты.

Св. храм является лучшей школой благочестия, а храмовые Богослужения – лучшим учителем веры и нравственности.

Наоборот, при редком посещении храмовых Богослужений христианин лишает себя необходимого поучения и духовного руководства в деле спасения.

Однако нужно иметь в виду, что посещения Богослужений станут спасительным делом для христианина только в том случае, если он приходит в храм по чистому влечению сердца. И это естественно, потому что всякая добродетель, сделанная по какому-либо принуждению, не имеет нравственной цены.

Человеку, стоящему на пути развития нравственных сил, существенно необходим руководитель, содействующий возрождению ближних. Кто вздумает довольствоваться лишь собственными соображениями и думами при разрешении моральных вопросов и затруднений, тот рискует погубить даже истинный дар своей природы.

Причина эгоизма, готового омрачить чуть ли не все отношения людей друг к другу, коренится в отсутствии нравственной поддержки на самых первых шагах сознательной жизни человека.

Правдивость и сострадание – вот минимум условий, обеспечивающих успех возрождения.

Доказано, что совершителями великих дел являются лишь те люди, которые способны сильно чувствовать. Лишь согревающая энергия сердца способна соединять нас тонкими и в то же время неразрывными узами с нашими ближними, с природой и идеалом, притягивающим к себе всех.

Как самое острое зрение глаза человеческого бессильно, когда нет света – этого незамеченного условия для зрительных ощущений, – так и развитый ум соединенный с крупной энергией воли не могут сделать человека носителем силы влияния, если любовь не сопутствует и не проникает их собою.

Чувство любви – это первоначальная природа духа вообще, извращенная актом падения человека. Следовательно, любовь не из ничего вырастает, не искусственно прививается практикой, а является восстановлением природной силы, возвращением к жизни скрытого семени.

Чем отличается неоспоримо истинное направление любви от чувства, лишь по недоразумению носящих одно и то же название? Смирением и кротостью, без которых даже любовь не имеет настоящей притягательной силы. Насколько гордость неуместна и нежелательна в любви, настолько же необходимо и ценно в ней смирение.

Смирение вполне совместимо с твердой волей, с живой мыслью и кипучим сердцем, и при всем этом – постоянное признание своего несовершенства.

Смирение человека – неоценимое его достоинство, ибо оно избавляет его от самомнения, заносчивости и прочих недугов души, отталкивающих от себя и унижающих разумное существо.

Вырабатывается смирение в человеке путем непрестанного внимания к себе самому и своим душевным слабостям.

Если гордость, почти всегда связанная с неудовлетворенной озлобленностью, только портит и разрывает отношения, то смирение, наоборот, дышит добротой и самую злобу побеждает. Оно сближает и роднит людей, завоевывает невольное уважение к себе и укрепляет симпатию. Смиренная душа всегда светла, и через это и привлекательна для других.

Гармонию мыслей и чувств, приобретение навыков в различении добра и зла дает человеку Религия, его религиозная вера.

Христианская любовь и неразрывно соединенное с ней знание истины жизни является одновременно и самым сильным и самым разумным мотивом для человека выступать в качестве рассадника добра в среде своих собратий.

Если нравственное влияние христианина проявится хотя бы в том, например, что низкая, дурная мысль бежит из головы в его обществе и гнилое слово не сходит с языка, – то и за это слава Богу. Одно присутствие таких людей становится нашим возвышением и очищением.

Не слово только служит выражением действенности любви и не крупные поступки, а часто едва уловимые соприкосновения душ и не переводящиеся на язык точных понятий движения чуткой сердечности.

Самым удобным моментом для исправления человека признается година бед и страданий души, когда страдающий сам ищет участия и бывает более, чем когда-либо, склонен впустить в тайники своего сердца сторонний глаз, лишь бы только ослабить степень интенсивности своих внутренних мук.

При влекущем желании совершенства, при сознательной работе над собой, при стремлении достигнуть «почести высшего звания» раскрытие личности идет поступательно. Раскрытие личности или, говоря языком христианской аскетики, процесс ее обожения связан с нравственной деятельностью человека.

Понятие нравственности моралисты выводят из философского анализа этого слова. Оно происходит от глагола «нравиться», что указывает на приятный, привлекательный для человеческого сердца характер нравственного добра.

Гармоническое сочетание добродетели и счастья, сознание своего долга – это лишь идеал, к которому человек должен стремиться.

Много пишут и говорят об улучшении материального быта. Это необходимо и хорошо. Но вопрос об очеловечении, о нравственной деятельности, о духовной поддержке ищущих участия, тоже необходим, а он мало затрагивается.

Необходимость раскрытия человечности в человеке нельзя не признать за самую святую истину. Но без поддержки люди часто теряют всякую нравственную чуткость, тогда как по идее разумности она должна развиваться и крепнуть.

Обычная скрытность большинства людей, утративших духовную чистоту, представляет собой естественную преграду и трудность подхода к сердцу. Вот почему власть над внутренней жизнью общества и отдельных лиц, в большинстве случаев, принадлежала и принадлежит не выдающимся каким-нибудь общественным деятелям, не лицам, на которых массы посматривают с удивлением и завистью, а самым иногда незаметным для целого мира, по-видимому, слабым и немощным, но сильным на деле смирением поборникам добра. Потому-то и учит Христос, что они наследуют землю.

Смирение вполне совместимо с твердой волей, с живой мыслью и с кипучем сердцем, и при всем этом – постоянное признание своего несовершенства.

Смирение и кротость души – вот что украшает человека, делает его приятным и милым для всех окружающих, а если к этому добавляется горячее, любящее сердце, – то все это делает человека «солью земли», свечой, которую ставят на подсвечнике, чтобы светить всем в доме.

В условиях общей механизации для отдельной личности возникает угроза быть раздавленной окружающей средой, если не приложить усилий для ее, личности, охраны. Это тем более опасно, что массы людей не только не испытывают отвращения к подобному единообразию, но, напротив, всячески ему содействуют и приобретают к нему вкус. Какой же вред это может нанести отдельной личности? Это лишает личность способности мыслить, рассуждать, действовать по своему усмотрению. Решать, где добро, а где зло, устанавливать, что истинно, а что ложно.

Цивилизация – это применение знания, науки к жизни, она утилитарна. С развитием цивилизации жизнь становится более занимательной, более легкой, более поверхностной. Если раньше, до широкого развития цивилизации, люди искали смысл жизни, то теперь они ищут успехов и удобств, полагая в них если не смысл, то цель своего существования. Эти цели строят внешнюю, материальную жизнь, цивилизацию, а смысл создает духовные ценности – культуру. Цель направлена на временное, смысл – на вечное. Без целей жизнь стояла бы на месте, без смысла она была бы пуста.

Как принято считать, культура состоит из трех областей: религии, философии и искусства. Поэтому именно в этих «останках» мы изучаем прошлое человечества и оцениваем и познаем то «дело», которое совершил в своем земном пути тот или иной народ.

Культура в высоком, духовном смысле слова не разрушается аскетизмом, а, наоборот, требует его и всегда основывается на нем. Истинное величие гения всегда равно силе внутренней аскезы, проникающей все движения его духа.

Строя великолепные храмы, древнерусское государство было заинтересовано в том, чтобы Киев, например, стал не хуже Константинополя, чтобы собственные Софии, а впоследствии Успенские соборы, появились во всех крупных городах Руси, в том числе и в Рязани, чтобы великолепие и грандиозность храмов могли вызывать в русском человеке сознание величия своего народа и своего Отечества.

Русским мастерам и умельцам оказались близки нравственные проблемы христианства, тема материнства, рождения, оплакивания смерти близкого, любви к человечеству. Византийское искусство пленило их своим умением сочетать разные виды искусства – слово и живопись, архитектуру и живопись, живопись и музыку, философию и живопись. Мы можем видеть отзвуки его в русской иконе.

Христианство провозгласило идею абсолютной ценности отдельной личности. Личность – это все, душа человека дороже всего мира, – но здесь встречаемся с антиномией (противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых доказуемо логическим путем – прим. О. Е.). Личность абсолютно ценной может быть в абсолютно ценном обществе. Духовная жизнь личности неотделима от ее общения с другими (также и самое общение непонятно без наличия жизни духовной, а не какой-нибудь другой).

Пока человек остается человеком, он ищет дружбы. Рано или поздно появляется внутренняя близость личностей, теснейшее сплетение двух миров. Любовь – свободное избрание одной из многих личностей.

Актом внутреннего самоопределения человек избирает себе Друга. К одному из многих устанавливает он отношение как к единственному, душевно прилепляется к нему. Его – обыкновенного – рассматривает уже как необыкновенного. Его – серого – как праздничного, будничного, – как торжество. Человек увидел в Друге то, что для других незаметно, – образ образа Божия.

Когда у друзей настанет откровение каждого в каждом, тогда вся личность с ее полнотой делается прозрачной, – до предведения того, что сокровенно. Но это взаимное проникновение личностей есть задача, а не изначальная данность в дружбе. Прозрачность личности «Я» достигается в жизненном взаимодействии любящих.

Идеал дружбы не врожден человеку, а познан опытом. Дружба не только этична и психологична, но, прежде всего, онтологична и мистична. Мистическое единство, открывающееся в сознании друзей, пронизывает собой все стороны их жизни, озлачивает их будничное, каждодневное.

Друг делается величиной большей по своей ценности даже в области просто товарищества. Друзья связаны теснейшим единством: «иной друг более привязан, чем брат».

Друг – опора и покров в жизни. Помощь Друга приобретает таинственный и любезный сердцу оттенок. Выгода от Друга делается Святыней.

Дружба ничем не может быть разрушена, кроме как тем, что направлена против самого единства друзей, что ударяет в сердце Друга как Друга – а именно: вероломством, издевательством над самой Дружбой, над Святыней ее.

Верность при дружбе есть и всегда считалось церковным сознанием за нечто необходимое не только ради сохранения дружбы, но и ради самой жизни друзей.

Другу должно принадлежать высшее доверие и высшее прощение.

Именно в дружбе начинается выявление личности, и поэтому тут начинается настоящая, глубинная святость, но в ней же может начаться и глубинный грех. Дружба дает высшую радость, но она же требует и строжайшего подвига.

Чтобы всегда побеждать свое самолюбие, чтобы тысячи раз сращивать соединительные нервы дружбы, неизбежно рвущиеся и от своей греховности, и от воздействия извне, – нужен таинственный ток энергии, непрестанно обновляющий первое, ослепительное время дружбы. Этот ток энергии для верующего человека в Боге. Отсюда и дружба – это созерцание себя через Друга в Боге. Дружба – это ведение себя глазами Друга, но перед Лицом Бога.

Жизнь – сплошной ряд диссонансов. Но через дружбу эти диссонансы разрешаются, и в дружбе общественная жизнь получает осмысленность и примиренность. Отсюда дружба – существенное условие жизни. Она дает человеку самопознание, открывает ему, где и как надо работать над собой.

И если брак есть «два в плоть едину», то дружба – два в душу едину, если брак – единоплотие, то дружба – единодушие.

Одиночество же, если оно не имеет своим привязчивым спутником постоянной мысли о друге, – не вредно и даже полезно в некоторых отношениях. Но представление в одиночестве дружбы действует вредно, особенно опустошение личности происходит тогда, когда человек вынужден толочься на людях. Не получая духовного удовлетворения, но вечно бегая за ним и около него, он дразнит себя мечтой воображения и на нее утекают все его духовные силы.

Половое воздержание, если оно не сопровождается возбужденным состоянием, не вредно физиологически, а в отношении мистическом – даже служит выработке новых способностей. Однако воздержание, связанное с возбужденностью, т.е. представлением выхождения из себя через пол, – вредно, и тем вреднее, чем ярче образы воображения. Душа тогда грязнится и гниет, равно как и тело гибнет.

Для христианина всякий человек – ближний, но не всякий – друг. И враг, и ненавистник, и клеветник – все же ближние, но даже и любящий – не всегда Друг, ибо отношения дружбы глубоко индивидуальны и исключительны.

Наличие братьев не устраняет еще необходимости Друга, и наоборот. Отсюда необходимость в обществе двух сторон жизни – братства и дружества. Брат есть братель жизненного бремени, это тот, кто берет на себя крест другого. Друг – другое «Я».

Любовь беспредельная, она не ограничивается ни местом, ни временем, она вселенска. И в то же время любовь не только вселенска, но и ограничена, не только беспредельна, но и замкнута.

С одной стороны, – «не осуждай», но с другой – считай псами и свиньями тех, которым не достоин открывать тайны сердца. Открывай их лишь некоторым, избранным, выделенным из толпы. Это – антиномия, которая приблизительно равносильна антиномии любовь – ревность.

Ревность по-старославянски то же, что рвение, ревнивый – то же, что и ревнитель, ревновать – то же, что рваться. Иметь ревность – противоположно вялости, бессилию, слабости. Так говорится: «ревную знаний», «ревную Небесного Царства», «ревнуйте же дарований больших».

Ревность – это необходимая сторона сильной любви. В ходячем, обывательском словоупотреблении ревность понимается как порок, как бесспорный нравственный недостаток. Обыкновенно, в основе ее усматривается и гордость, и тщеславие, и самолюбие, и подозрительность, и недоверие.

Где ревность понимается, как порок, там явное смешение понятий. Любовь смешивается с вожделением, а ревность – с ненавистью и завистью.

Ревность – это сама любовь, но в своем «инобытии». Ревность есть необходимое условие и неременная сторона любви, но обращенная к скорби. Так что желающий уничтожить ревность, уничтожил бы и любовь. Точно так же, где есть вожделение, там всегда есть ненависть с завистью.

Любимый – всегда избранник. И если таких любимых «ты» бывает много, и тогда все-таки к каждому отношение, как к единственному. Сознание единственности – необходимое условие любви.

Любовь имеет корнем своим Святыню души и возможна лишь постольку, поскольку жива эта Святыня. Оберегать жемчужину души – значит оберегать саму любовь. Не радеть о Святыне своей – значит не радеть о любви.

Рожденный прежде веков превыше небес рождается во времени на нашей земле, чтобы даровать людям новое рождение и миру обновление.

Тайна воплощения Сына Божия непостижима для ума человеческого, но воспринимается она сердцем.

Христос рождается на земле, чтобы примирить падшего человека с Богом.

В день пасхального ликования возрадуемся и мы о Христе Воскресшем, о вечном Архистерее грядущих благ, о торжестве Жизни над смертью; о победе Добра над злом и грехом.

Радость Воскресения Христова есть лучшее украшение жизни нашей земной и лучшее основание надежды для жизни будущей.

Вера в Воскресшего Господа – это наше величайшее счастье, это наше бесценное сокровище, данное нам на все времена. Верующий человек в день Светлого Христова Воскресения переживает особенную радость потому, что этот день есть образ Дня будущего Воскресения.

Многие из нас думают, что молитва сильная и действенная есть особый дар лишь некоторых избранников Божиих. Но эти-то избранники Божии, свв. Отцы и подвижники веры и благочестия, и говорят нам, что нет человека, молитва которого не могла бы сделаться сильной, если он того возжелает твердо и чистосердечно.

И поистине счастлив тот из нас, кто полюбил молитву, кто познал, что она необходима для жизни, как воздух, ибо такой человек, как бы тяжел ни был возложен на него жизненный Крест, в молитве всегда найдет себе радость и утешение.

Скажем еще: «Господи, Ты знаешь наши немощи, от Тебя не скрыты наши грехопадения, но прости нас и помоги нам нести Крест свой с терпением». Да в терпеливом несении своего жизненного креста познаем и мы Силу и Славу Твою.

Грех лишает душу мира, ум – света, тело – нетления, землю – благословения, все сотворенное – всякой доброты. Грех отдаляет человека от Бога, ставит во враждебные отношения с другими людьми, разделяет самого человека с собою, т.е. привносит в душу раздвоение.

Мы знаем, что у христиан суббота не отменена, но заменена воскресением, поэтому заповедь о хранении субботнего, то есть воскресного дня, относится к нам, но к нам же обращен и вопрос Господа: «Можно ли работать в субботу?». Вероятно, каждый, не задумываясь, ответит, что можно. И, слава Богу, значит мы яснее, чем древние израильтяне, понимаем заповедь Божию.

Нравственный долг христианина в праздник быть в церкви, чтобы посвятить этот день Богу. Но если по долгу службы кто-то не может прийти в храм, пусть совесть его будет спокойна. Верно то, что верующей душе трудно в праздник не побывать в церкви. Но эта же вера даст человеку познать сладость другого плода – плода послушания. Болен ли кто и не в силах пойти в храм – невозможного Господь не требует. Но вот если кто и не занят на работе, и не болен, и не пошел в храм Божий, – тому трудно найти извинение.

Могут возразить, что можно молиться дома, – на это следует ответить, что домашнюю молитву не только можно, но и нужно возносить. Но знай, христианин, никогда и ничто не заменит тебе церковную службу. Ты можешь дома пить воду стаканом, но для этого надо сначала сходить с ведром на колодец. Чтобы молиться дома, молитвой чистой и благодатной, необходимо прежде сходить в храм святой и наполнить сосуд своего сердца струями благодати Христовой, а потом и возгревать ее в своей келейной молитве.

Св. Церковь издавна узаконила обычай молитвенного поминовения усопших во вторник на оминой неделе, назвав этот праздник Радоницей, что означает день радости. И такое установление вполне объяснимо, ибо счастливый человек, получивший добрую весть, хочет, чтобы с ним радовались и все близкие его сердцу люди. Такова любовь, которая, по слову Апостола, «никогда не отпадает». Именно эта христианская любовь и побуждает нас молиться сегодня за умерших, разделить с ними свою радость о Воскресении Христовом.

Живя на земле, человек проходит через многообразные радости и скорби. Когда же он умрет, то уже не испытывает земных волнений; но есть у усопших радости и скорби в жизни вечной, куда они переселились своими бессмертными душами. Так, радуются усопшие, когда молятся о них на земле, и тем оживляют их надежду на спасение, и скорбят, когда забывают о них, ибо все они обращаются к нам с просьбой: «Братие мои возлюбленные, не забывайте мя, егда молитесь ко Господу, поминайте мя. Да упокоит мя с праведными Господь».

Не случайно молитву называют дыханием души. Как воздух необходим для жизни тела, так и молитва необходима для души.

Итак, христианин, если хочешь иметь у себя это бесценное сокровище – молитву, нужно учить себя молиться, как учат ходить малое дитя, когда только начинает делать первые шаги. А наипаче нужно просить Господа, чтобы Он Сам даровал нам молитву и научил нас молиться. Подвижники веры и благочестия, святые угодники Божии ничего не просили для себя у Бога, но и они испрашивали у Него молитву.

Полюби молитву. С ней мы можем искоренить в себе самые сильные страсти, взойти на высочайшие вершины добродетелей. С молитвой не страшно будет встретить и смертный час.

Счастлив человек, чья душа чиста и совесть спокойна. Но что делать нам, если жизнь прожили нерадиво? Что делать с тем худом, которое уже допущено? Что совершено, то останется; худо совершено – плохим и пребудет. Есть единственное средство для очищения души – принести покаяние. Только оно может изгладить первые грехи и ради заслуг Христа Спасителя оправдать нас перед Праведным Судией.

Мы часто обращаемся к будущему, спрашиваем, что нас ждет впереди. Вопрос самый любопытный, но ни один сотворенный ум не сможет на него ответить, если не откроет Господь, как пророчествовал Он через людей святых.

Но среди этой безвестности для верующего может служить утешением то, что, вручая себя в волю Божию, мы знаем – что бы ни пришло, что бы ни случилось с нами, все будет во благо нам. Человек с такой верой и посреди сени смертной не убоится зла и без страха встретит всякую скорбь.

Да и скорби-то потому и постигают нас, что не имеем мы преданности воле Божией, живем в похотях сердец своих, самонравно и самочинно. Ибо ради чего Господь попускает нам скорби? «Грех ради наших».

Поэтому, христианин, если хочешь знать: не грозны ли Суды Божии принесет тебе грядущее время – теперь приноси покаяние. Оно есть вода, угашающая огонь гневных Судов Божиих. Знали это святые Отцы, Праведные и Пророки и каждый день умывали себя благодатной водой покаяния, взывая: «Господи, грех юности моя, и неведения моего не помяни... и от тайных моих очисти мя».

Мы грешны, но в покаянии наша неправда изгладится Правдою Божиею. Мы немощны, но в покаянии наша слабость восполнится Силою Божией. В покаянии тьма наша греховная просветится Светом Божиим, и возгреется вера в Господа.

Кто из нас, возлюбленные во Христе братья и сестры, не испытал в жизни скорбей? Кто из нас не видел скорбящим другого? Не случайно наша земная жизнь уподобляется бурному морю. «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей...» – поет Святая Церковь. Множество всяких печалей, лишений и бедствий встречается у каждого из нас на земном пути. Без скорби никто не проживает. Скорбят дети, скорбят и старики, скорбят здоровые и больные, праведные и грешные – все претерпевают различные огорчения, потери, несчастья.

А сколько скорбей перенесли святые подвижники веры и благочестия, претерпевая всевозможные искушения и борясь с грехом?

Но кто из нас не знает, как трудно соблюсти в чистоте свою душу среди окружающих нас соблазнов? Сколько преткновений встречает человек на дороге жизни? Сколько раз падали в прожитое нами время? Сколько раз сходили мы с пути спасения! О, если б Господь не напоминал об этом скорбями, то как далеко удалились бы мы от Него! В какую бездну грехов и пороков впали бы! Господь же не хочет гибели и посылает для вразумления различные скорби. Вот почему свв. Отцы не унывали в скорбях, не роптали на Бога, но благодарили Его за это.

Господь помнит о каждом из нас и всем хочет спасения. Промышляя о нашем спасении, Он попускает разного рода лишения и беды, причиняющие нам скорбь. Но никто и ничто не может нам сделать зла, если Господь не попустит его для нашей же пользы.

Будем блюсти себя, чтобы во время скорби нами не овладело уныние, которое и сильных делает слабыми!

Говоря о святых и праведных людях, ясно, что мы представляем их теперь на небесах, в блаженной небесной жизни, но забываем, что было время, когда и они жили, подобно нам, на этой земле, среди лишений и скорбей, терпели обиды от злых людей, но сами никогда не оскорбляли человека. Несли свой крест с терпением, уповая на Бога и видя в скорбях и лишениях не карающую, а вразумляющую их десницу Божию, которая очищает и оберегает от греха и ведет ко спасению.

Пути Господни, которыми Он ведет человека в Царство Небесное, неисповедимы, а значит и не всегда понятны человеку, но когда исполнятся, то чистое сердце всегда узрит в них и глубину богатства, и премудрости, и благости Божией.

Человек великой и благородной души простит любую обиду, а грешнику и малые обиды вбиваются в сердце, и небольшие неприятности повергают его в уныние, и злоба, как черная туча, закрывает ему лучи благодатного света Христова. И теряет тогда человек надежду на спасение. А без надежды нельзя жить на земле, ибо она, по слову св. апостола Павла, вместе с верой и любовью составляет три главных свойства души человека, три главных его добродетели.

И блажен тот, кто и в падении своем способен разглядеть протянутую к нему десницу Божию, и услышит молебный глас Ходатаицы рода нашего, Пресвятой Богородицы, единой непостыдной Надежды.

И чтобы Слово Божие, слышанное нами сегодня, не пропало даром, но, упав на добрую почву, принесло плод, положим на скрижалях своего сердца истину Св. Евангелия, что жизнь нам дана для вечности, на очищение сердца, на обновление духа, на покаяние, на добрые дела.

Но что же такое святость, к которой призывает нас Бог? Святость – это такое состояние человека, когда он, будучи совершенно чист от греха, хочет делать и делает только добро и не делает зла.

Грехи удаляют человека от Всесвятого Бога, делают его виновным пред Ним и лишают райского блаженства. Поэтому быть святым – значит быть оправданным перед Богом, очищенным от греховной скверны и освященным Божественной благодатью.

Один Господь истинно свят. Он один безгрешен, но стремиться к этому призваны и мы. Постоянно бодрствуя над собой, искореняя свои греховные склонности и привычки, удаляясь от злых дел и побуждая себя к деланию добра, мы призваны приближаться, хотя и частично, к этому Идеалу святости. В этом нам послужат примером целые сонмы святых, которые, подобно нам, жили на земле, а теперь наслаждаются блаженством в Царстве Небесном.

Совершайте спасение, а не думайте, что оно само придет.

На любви, как на основании, утверждается семья, общество и жизнь всего человечества. Только любовь порождает все прекрасное: великодушие, мужество, честность, дружбу, долготерпение. Только она сохраняет мир, прекращает вражду и пробуждает в человеке совесть и ответное чувство любви.

Любовь – мать всех добродетелей.

Не все еще мы единомыслием и любовью исповедуем Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную. Чаще же наша любовь уживается с какой-нибудь страстью. А где страсть, там не жди доброго.

Наша любовь чувственная, земная. Не такова любовь небесная, духовная, к которой призывает нас Господь.

По смыслу слова Божия, любовь вечна и является основным законом бытия.

Главное свойство истинной любви – это жертвенность.

Лишь любовь подвигла Христа на вольные страдания и Крестную смерть ради спасения рода человеческого.

Второе главное свойство истинной любви – это всепрощение.

Третье главное свойство истинной любви – это искренность и праведность.

Основа искренности – в любви. Если мы имеем уважение к человеку, если любим его, то мы с ним искренни. А уважать друг друга мы можем только тогда, когда между нами будет Христос. Это состояние порождает между людьми дружбу, а с нею и упокоевание в Боге.

Любовь как Божественный дар возрождает человека из жизни греховной в жизнь святую. Она делает злого человека добрым, жадного – милостивым, врага – другом. Все наше земное благополучие зависит от меры возрастания в нас благодатного дара любви. Любовь является основой религиозной и нравственной жизни. Она усыновляет нас Богу и дает нам жизнь вечную.

Св. Церковь свидетельствует, что кто любит Бога, кто соблюдает заповеди Его, тот никогда не бывает оставлен Богом, щедродательная рука Его осыпает такого человека милостями.

По учению святых Отцов Церкви, преданность Богу есть самый краткий и самый верный путь ко спасению.

Подражая Царице Небесной, сделаем и мы предание себя воле Божией правилом своей жизни. Это заповедует нам и сам Господь, Который научил святых Апостолов, а в лице их и всех нас, молиться: «Отче наш... да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» – то

есть пусть воля Божественная будет так же исполняться людьми на земле, как она исполняется ангелами на небе.

Господь наш Иисус Христос, посылая Своих учеников и апостолов на проповедь, сказал им: Когда входите в дом, прежде всего говорите: «Мир дому сему». Этим самым Господь указал на мир как великую нравственную силу, от которой зависит благополучие семейств и обществ. Не случайно в древности, когда люди так открыто и чистосердечно высказывали свои нужды, при встрече человека с человеком говорили «Мир тебе», «Мир вам», вместо нашего «здравствуй» или «добрый день».

История свидетельствует, что как бы ни изменялись человеческие обычаи, желание мира и стремление к миру всегда составляло нравственную потребность всякого человека. Здесь мы имеем так называемое чувство человечности. Из этого чувства рождаются нравственные цветы: общительность, искренность, откровенность, простота, участие и сострадание к несчастным.

Человечность воспитывается и прививается в семье, а также правильным влиянием науки, влиянием живых примеров, особенно же истинной, теплой религиозностью, для которой все доброе не только добро, но и священо. Кто воспитывает других в этом определенном нравственном духе, тот трудится для примирения людей, для укрепления живого союза, для благотворного общения между ними.

Поприще же, открытое для подвига миротворчества, очень широко. Так, законодатель своими мудрыми постановлениями успокаивает волнующихся людей. Правитель силой доброй воли и светлым умом пресекает злоупотребления, грозящие нарушить мир. Родители в семье, учитель в школе, врач в больнице могут и должны связывать узами взаимной дружбы и любви своих детей, своих учеников, своих больных. Служитель Церкви Христовой словом живого убеждения вносит умиротворение между своими пасомыми. Все они совершают благое дело для человечества. Они – Миротворцы. Их дела угодны Богу и сообразны с Его волей.

Во всяком положении и во всякой деятельности можно и нужно бросать семена мира, которые если не всегда приметны для взора людей, то всегда ведомы Всеведущему Богу, как чистые зерна общего блага.

Большей частью люди представляются нам в таком свете, какой мы бросаем на них из глубины нашей души. Ведь для несветлого взора все мрачно, для злого сердца – все зло.

Мир с людьми требует как необходимого условия, чтобы человек был в мире с самим собой. Внутренний, душевный мир достигается самообладанием, торжеством над своими страстями, послушанием голосу своей совести, особенно же деятельной преданностью воле Божией.

Повседневная жизнь показывает, что человек, увлеченный страстями, везде находит поводы к оскорблению людей, которые его окружают; мало того, он ухищряется сердиться даже на неодушевленные предметы, на вещи, с которыми он обращается. Почему так? Да потому, что люди и вещи представляются ему недругами, посягающими на его спокойствие или на его счастье. Ему хотелось бы, чтобы и люди, и вещи мгновенно передвигались бы и изменялись сообразно с его капризами и страстями.

Высочайшая цель, указанная человеческому роду пришедшим на землю Спасителем, – это единство людей, под Единым Богом, в одной Православной вере, в одной мысли, под одним Законом, в одном благе.

Я уверен, что и среди вас, дорогие братья и сестры, найдутся святые души, которые поймут необходимость мира в семье и обществе, в которых мы живем, посвятят себя примирению людей друг с другом. Если будем призывать Бога на помощь, то увидим, что даже одно доброе слово может успокаивать человеческие страсти. Нередко один кроткий взгляд, одно спокойствие в движениях вносит умиротворение в семью.

Молитва развзвзает небеса и низводит на человека благодать Божию.

Благодать Господня – это сила Божия невидимая, но она видимо проявляется. Она отражается и в наружности человека благодатного, она сияет в его взоре, видна в его лице, слышна в его разговоре. Как сладка бывает беседа с таким человеком! Часто одно только слово благодатствованного человека будто камень снимает с наболевшего сердца. И на душе становится так легко, радостно, благодатно. Она невольно тогда обращается к Богу, дивному во святых Своих.

А мы, возлюбленные, по своей огрубелости часто не замечаем действия на нас благодати Божией. Прикасаемся к святыне, ходим, живем среди святынь, даже приобщаемся Христовых Таин, – и все как-то проходит для нас незаметно.

И только когда благодать оставляет человека, когда он грехами своими лишает себя этого величайшего дара, тогда понимает он, что ему чего-то не хватает, что лишился чего-то драгоценного, незаменимого для души.

Мы знаем, что среди незримых благодатных даров, получаемых христианином, есть одно особое дарование, которое износит из храма верующая душа, – это любовь к благочестивому размышлению.

Воздержание в пище, которое предписывает нам Св. Церковь, имеет целью укрепить силы человека и помочь внутренней собранности.

Во время поста христианин достигает такой внутренней настроенности, при которой он смиряет себе пред Богом более, чем когда-либо, сознает свою греховность и недостойность. И в то же время, с помощью Божией, человек делает усилие, чтобы пресечь свою греховную волю, отказаться от греховных навыков, хочет решительно пойти навстречу милующей и спасающей благодати Божией.

Не многие из нас считают гнев и раздражительность за грех. По-видимому, из-за того, что он часто повторяется. А между тем он вреден для здоровья. Насколько благотворно влияет радостное чувство на человека, настолько угнетающе действует гнев и раздражительность на духовные силы.

В таинстве Исповеди Господь готов простить все наши грехи, но хочет, чтобы и мы простили все своим ближним.

Будем помнить, что мир наш с ближними дороже наших жертв. Мир есть величайшее благо, которое завещал Господь ученикам Своим перед Своими Страданиями: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам».

Вот идеал человека мирного, то есть к чему мы должны стремиться:

Бранят – не оскорбляться,

Хвалят – не превозноситься,

Получив благо – не увлекаться,

В беде – не малодушествовать.

Для этого нужно приобрести добродетель смирения, никого не осуждать, никому не досаждать.

Когда мы вспоминаем умершего близкого нам человека, то стараемся думать о его добродетелях, чтобы и отошедшему воздать справедливость, и себя побудить к доброделанию.

Мы с вами должны помнить, что Бог сотворил человека свободным и не хочет отнимать у нас этой свободы. А потому кто бы и как бы не искушал нас, поступок добрый или злой совершаем мы сами, по своей свободной воле.

Своей Крестной смерти Господь открыл нам двери рая, но не влечет насильно в него человека, который не хочет этого. Господь дал человеку заповеди, то есть указал путь в Царство Небесное, но не принуждает насильно исполнять их; Он только ублажает, то есть называет счастливыми тех, кто будет жить по заповедям Божиим. Нам всегда нужно помнить и о том, что Господь никого не искушает, искушения бывают от силы злобной; Господь же попускает их, всегда готовый защитить того человека, который будет обращаться к Нему за помощью.

К сожалению, многие свободу понимают как вседозволенность, а потому, или сознательно, или не ведая, что творят, делают не то, что созидает, а то, что вредит и Церкви, и обществу.

Сегодня мы торжественно празднуем сотый день рождения Сергея Есенина, который ярко выразил в своих стихах широту и нежность русской души. «Я поверил от рожденья в Богородицын Покров», – писал он. И, по-видимому, в детстве, когда душа была еще чиста, он ощутил дар, данный ему от Бога, это: Великий талант, заботливое сыновнее сердце и щемящую, или выражаясь словами самого поэта, сосущую любовь к России. С необычайной теплотой и нежностью говорил Сергей Александрович о Родине, о вере народной, о простых людях. Множество вдохновенных слов блесками рассыпано по страницам его книг. Нет необходимости говорить об его жизни, с ее страстями и ошибками, грехами и падениями. Этой жизнью, конечно, страдала и изнывала его душа. Но эту жизнь преодолел его дух. Преодоление себя, своей души в слове и обретение через слово своего духа есть самое таинственное и могущественное в творчестве Есенина. И за это всякий, кому дорога Россия, будет помнить в ней своего земляка, своего родного поэта – Сергея Есенина.

Дорогие воспитатели, учителя, педагоги, все труженики на ниве духовно-нравственного образования и воспитания! Нам с Вами вверены Богом юные души, которые мы должны направить по правильному руслу. Привить им любовь и благоговение к Богу – Источнику добра и правды, утвердить почитание своих родителей, наставников и вообще старших, привить любовь к своему Отечеству, сделать их патриотами своей Родины.

Долг – это понятие не столько юридическое, сколько нравственное. Ибо никакой устав или закон не могут заставить человека добровольно переступить черту, отделяющую жизнь от смерти.

Самопожертвование есть отказ от себя во имя других, это нравственный и духовный подвиг. Его не способен совершить человек слабый или порочный, но он под силу человеку духовно-нравственному.

Что движет воина идти на самопожертвование? – любовь к своему народу, к своему Отечеству.

И мы видим много воинов, причисленных к лику святых. И среди них те, чьи имена многие из Вас носят: святой великомученик Георгий, святой благоверный князь Александр Невский, св. великомученик Димитрий Солунский, св. благоверный князь Димитрий Донской, св. благоверный князь Олег Рязанский, св. мученик Иоанн воин и многие другие.

Воин как никто другой нуждается поэтому в сохранении высоких идеалов и нравственной целостности. Сама Армия без высоких нравственных идеалов может потерять способность защищать свое Отечество. Не случайно ведь нравственное и идейное разложение армий противника всегда было особо важной задачей противоборствующей стороны.

Острота экономических проблем, с которыми столкнулся наш народ, не должна заслонить перед нами проблему духовно-нравственного образования и воспитания. Ибо сколько бы не полагали забот и трудов, чтобы нам было хорошо, а не позаботились прежде, чтобы мы были хороши, то мы трудились бы над невозможным.

Молодое поколение – это наше будущее, наша смена. Поэтому для нас небезразлично, каким оно будет.

Церковь молится за власти и воинство, призывая помощь Божию, Божие водительство для укрепления их нравственных и духовных сил, дабы Божий закон был всегда начертан в их сердцах, чтобы они были способны в голосе своей совести слышать голос Бога, любящего Отца всех, уметь видеть страдания слабых и незащищенных людей.

Глава 2. Знатные рязанцы

Бирюзов Сергей Семенович

(1904-1964), русский, родился 21 августа 1904 года в г. Скопине Рязанской области. В 1923 году Бирюзов стал курсантом Объединенной школы имени ВЦИК, после окончания которой продолжил службу в Московской пролетарской дивизии. В 1937 году с отличием окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Бирюзов был командиром 132-й стрелковой дивизии, начальником штаба 48-й армии. В декабре 1942 года назначается начальником штаба 2-й гвардейской армии, в марте 1943 года – начальником штаба Южного фронта, в 1944 году – начальником штаба 3-го Украинского фронта. 14 сентября 1944 года Бирюзов прибыл в Софию для взаимодействия советских и болгарских войск, решения вопросов о создании болгарской Народной армии и ее участии в войне против фашистской Германии. В конце сентября выехал в штаб фронта, где началась подготовка Белградской операции, которая была осуществлена блестяще. В конце войны Бирюзов назначается командующим 37-й армией и возглавляющим Союзную контрольную комиссию в Болгарии. Награжден правительством Болгарии двумя высшими орденами, ему присвоено звание почетного гражданина Софии. С 1947 по 1953 год Бирюзов командовал Приморским военным округом, а затем Центральной группой войск в Австрии. В 1954 году Бирюзов был назначен заместителем главнокомандующего, а в 1955 году – главнокомандующим войсками противовоздушной обороны страны. 11 марта 1955 года Бирюзову присвоено звание Маршала Советского Союза, а в 1957 году – звание Героя Советского Союза. В марте 1963 года Бирюзов назначен начальником Генерального штаба и первым заместителем министра обороны Союза ССР. С 1946 года Бирюзов постоянно избирался депутатом Верховного Совета СССР. 19 октября 1964 года С. С. Бирюзов погиб в авиационной катастрофе близ Белграда, куда летел во главе делегации Советской Армии в связи с двадцатилетием освобождения югославской столицы от фашистских захватчиков. Награжден во время войны двумя высшими югославскими орденами, посмертно удостоен звания Народного Героя Югославии. На родине героя, в г. Скопине, установлен монумент в его честь. В г. Рязани и г. Скопине есть улицы, носящие имя прославленного земляка. В школе № 58 г. Рязани создан музей С. С. Бирюзова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.